

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра истории Беларуси нового и новейшего времени

ЯРОШУК Глеб Олегович

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МАРГИНАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ
БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Магистерская диссертация

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор А.Г. Кохановский

«__» _____ 2020 г.

Допущен к защите

«__» _____ 2020 г.

Заведующий кафедрой истории Беларуси

нового и новейшего времени,

кандидат исторических наук, доцент

_____ В.С. Макаревич

Минск, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ	3
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	12
1.1 Историография	12
1.2 Источники	20
1.3 Методология и методы исследования	25
ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ И НОРМЫ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	27
ГЛАВА 3. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МАРГИНАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ И РЕАКЦИЯ НА НЕГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА.	35
3.1 Нищие	35
3.2 Проститутки.....	50
3.3 Люди со сверхъестественными способностями и свойствами	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	76
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	80

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Ярошук Глеб Олегович

Тема: девиантное поведение маргинальных групп населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX века.

Ключевые слова: маргинальные группы, социальная девиация, девиантное поведение, маргинализация, неформальные отношения, нищие, проститутки, люди со сверхъестественными способностями и свойствами.

Актуальность: Актуальность темы исследования объясняется тем, что работ по проблеме девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси немного. Кроме того, работа охватывает период времени, когда происходило зарождение белорусской нации, что значит, что исследование социальных процессов, которые происходили в то время, тесно связаны с нашим пониманием современной социальной действительности и проблем социальной девиации и неформальных отношений в Республике Беларусь на современном этапе ее существования; такого плана исследование также позволяет увидеть тенденции и особенности в девиантном поведении маргинальных групп населения Беларуси. Проведенный детальный анализ и определение характерных черт позволит более широко рассмотреть проблему социальной девиации и неформальных отношений на территории Беларуси. Материалы работы в дальнейшем могут быть использованы в профессиональной деятельности исследователей при обобщении и систематизации знаний.

Цель магистерской диссертации заключается в том, чтобы показать особенности и характерные черты девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси в процессе формирования формальных и неформальных отношений на территории Беларуси в период второй половины XIX – начала XX столетия.

Объектом данной работы являются социальные процессы в Беларуси, **предметом** – формы девиантного поведения маргинальных групп населения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века. В данной магистерской диссертации были использованы следующие методы исследования: историко-сравнительный, историко-системный, анализ и синтез. Работа над магистерской диссертацией велась с учетом принципов диалектического метода: историзма, комплексности и научной объективности.

Основные положения, которые выносятся на оборону. Проблемы социальной девиации были характерны для белорусского общества. Люди, являющиеся представителями девиантного поведения, находясь за границей существующих норм общества, являлись тем не менее его довольно многочисленной и весомой частью. Одна из самых многочисленных категорий

людей, представляющих собой яркий пример социальной девиации в Беларуси второй половины XIX – начала XX века является категория нищих. К чести белорусов в изучаемый период, занятие именно «профессиональным» нищенством не представлено большинством среди данной группы населения. К «профессиональным» нищим мы можем отнести так называемых «сезонных» нищих, нищие артели и ватаги – то есть организованное нищенство, особых нищих-старообрядцев, а также одиночек нищих-певцов. Несмотря на свое разнообразие, во второй половине XIX – начале XX века мы можем говорить о достаточно обширных, при этом имеющих длительную историю, особых «субкультурах» нищих. Кроме нищих, одной из самых многочисленных категорий людей, являющихся примером воплощения в жизнь понятия социальной девиации, являются проститутки, в изучаемый период являющиеся категорией населения с ограниченными правами, которые очень часто были жертвами так называемого «белого рабства», которое являлось значительной проблемой для морали, государства и в целом общества Российской империи. Также еще одной категорией маргинальных групп населения Беларуси являются люди со сверхъестественными способностями и свойствами: чтобы быть причисленным к данному типу персонажей народной демонологии не всегда обязательно было совершать какие-либо магические ритуалы и действия, часто достаточно было иметь какие-то физические или же психические отклонения.

Структура и объем магистерской диссертации. Магистерская диссертация посвящена анализу девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX века. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы. Объем магистерской диссертации вместе с общими характеристиками работы – 86 страниц. Из них: список литературы и источников – 7 страниц, общие характеристики работы на белорусском, русском и английском языке – 6 страниц.

GENERAL DISCRIPTION OF THESIS

Yarashuk Hleb Alegavich

Subject: deviant behavior of marginal groups of the population of Belarus in the second half of the XIX - early XX centuries.

Keywords: marginal groups, social deviation, deviant behavior, marginalization, informal relationships, beggars, prostitutes, people with supernatural abilities and properties.

Relevance: The relevance of the research topic is explained by the fact that there are few works on the problem of deviant behavior of marginalized groups of the population of Belarus. In addition, the work covers the period of time when the Belarusian nation was born, which means that the study of social processes that took place at that time is closely related to our understanding of modern social reality and the problems of social deviation and informal relations in the Republic of Belarus at the present stage of its existence ; Such a plan, the study also allows you to see the trends and characteristics in the deviant behavior of marginalized groups of Belarus. A detailed analysis and determination of characteristic features will allow us to more broadly consider the problem of social deviation and informal relations in Belarus. The materials of the work can later be used in the professional activities of researchers in the generalization and systematization of knowledge.

The purpose of the master's thesis is to show the features and characteristics of the deviant behavior of marginalized groups of the population of Belarus in the process of forming formal and informal relations in Belarus during the second half of the XIX - early XX centuries.

The object of this work is social processes in Belarus, **the subject** is the forms of deviant behavior of marginalized population groups in Belarus in the second half of the XIX - early XX centuries. The following research methods were used in this master's thesis: historical-comparative, historical-systemic, analysis and synthesis. Work on the master's thesis was carried out taking into account the principles of the dialectical method: historicism, complexity and scientific objectivity.

The main provisions that are submitted to the defense. Problems of social deviation were characteristic of the Belarusian society. People who are representatives of deviant behavior, being outside the existing norms of society, were nevertheless its satisfied large and significant part. One of the most numerous categories of people, representing a vivid example of social deviation in the Belarus of the second half of the XIX - early XX centuries, is the category of beggars. To the honor of the Belarusians in the study period, the occupation of “professional” poverty is not represented by the majority among this population group. To the “professional” beggars we can attribute the so-called “seasonal” beggars, the poor artels and gangs - that is, organized beggars, special beggars, Old Believers, and also singles of beggars-

singers. Despite its diversity, in the second half of the XIX - early XX centuries, we can talk about quite extensive, and at the same time long-standing, special "subcultures" of beggars. In addition to the poor, one of the most numerous categories of people who are an example of the concept of social deviation being realized is prostitutes, during the study period they are a category of people with limited rights who were very often victims of the so-called "white slavery", which was a significant moral problem, state and society as a whole of the Russian Empire. Also, one more category of marginalized groups of the population of Belarus are people with supernatural abilities and properties: in order to be assigned to this type of characters of folk demonology it was not always necessary to perform any magic rituals and actions, it was often enough to have some physical or mental deviations.

The structure and scope of the thesis. The thesis is devoted to the analysis of deviant behavior of marginal groups of the population of Belarus in the second half of the XIX - early XX centuries. The work consists of introduction, three chapters, conclusion, list of sources and literature. The volume of thesis together with general description of thesis is 86 pages. Of these: a list of literature and sources – 7 pages, general description in Belarusian, Russian and English – 6 pages.

АГУЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА ПРАЦЫ

Ярашук Глеб Алегавіч

Тэма: дэвіянтныя паводзіны маргінальных груп насельніцтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя.

Ключавыя словы: маргінальныя групы, сацыяльная дэвіяцыя, дэвіянтныя паводзіны, маргіналізацыя, нефармальныя адносіны, жабракі, прастытуткі, людзі са звышнатуральнымі здольнасцямі і ўласцівасцямі.

Актуальнасць: актуальнасць тэмы даследавання тлумачыцца тым, што работ па праблеме дэвіянтных паводзін маргінальных груп насельніцтва Беларусі няшмат. Акрамя таго, праца ахоплівае перыяд часу, калі адбывалася зараджэнне беларускай нацыі, што значыць, што даследаванне сацыяльных працэсаў, якія адбываліся ў той час цесна звязаны з нашым разуменне сучаснай сацыяльнай рэчаіснасці і праблем сацыяльнай дэвіяцыі і нефармальных адносін у Рэспубліцы Беларусь на сучасным этапе яе існавання; такога плану даследаванне таксама дазваляе ўбачыць тэндэнцыі і асаблівасці ў дэвіянтных паводзінах маргінальных груп насельніцтва Беларусі. Праведзены дэталёвы аналіз і вызначэнне характэрных рыс дазволіць больш шырока разгледзець праблему сацыяльнай дэвіяцыі і нефармальных адносін на тэрыторыі Беларусі. Матэрыялы працы ў далейшым могуць быць выкарыстаны ў прафесійнай дзейнасці даследчыкаў пры абагульненні і сістэматызацыі ведаў.

Мэта магістарскай дысертацыі заключаецца ў тым, каб паказаць асаблівасці і характэрныя рысы дэвіянтных паводзін маргінальных груп насельніцтва Беларусі ў працэсе фарміравання фармальных і нефармальных адносін на тэрыторыі Беларусі ў перыяд другой паловы XIX – пачатку XX стагоддзя.

Аб'ектам дадзенай працы з'яўляюцца сацыяльныя працэсы ў Беларусі, **прадметам** – формы дэвіянтных паводзін маргінальных груп насельніцтва ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя. У дадзенай магістэрскай дысертацыі былі выкарыстаны наступныя метады даследавання: гісторыка-параўнальны, гісторыка-сістэмны, аналіз і сінтэз. Праца над магістэрскай дысертацыяй вялася з улікам прынцыпаў дыялектычнага метаду: гістарызму, комплекснасці і навуковай аб'ектыўнасці.

Асноўныя палажэнні, якія выносяцца на абарону. Праблемы сацыяльнай дэвіяцыі былі характэрныя для беларускага грамадства. Людзі, якія з'яўляюцца прадстаўнікамі дэвіянтных паводзін, знаходзячыся за мяжой існуючых нормаў грамадства, з'яўляліся тым не менш яго шматлікай і важкай часткай. Адна з катэгорый людзей, якія ўяўляюць сабой яркі прыклад сацыяльнай дэвіяцыі ў Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX стагоддзя з'яўляецца катэгорыя жабракоў. Да гонару беларусаў, занятак менавіта

«прафесійным» жабрацтвам не прадстаўлен большасцю сярод дадзенай групы насельніцтва. Да «прафесійных» жабракоў мы можам аднесці так званых «сезонных» жабракоў, жабрацкія арцелі і чароды – гэта значыць арганізаванае жабрацтва, асаблівых жабракоў-старавераў, а таксама адзіночак жабракоў-спевакоў. Нягледзячы на сваю разнастайнасць, у другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя мы можам казаць пра досыць шырокія, пры гэтым якія маюць працяглую гісторыю, асаблівыя «субкультуры» жабракоў. Акрамя жабракоў, адной з самых шматлікіх катэгорый людзей, якія з'яўляюцца прыкладам увасаблення ў жыццё паняцці сацыяльнай дэвіцыі, з'яўляюцца прастытуткі, якія ў дадзены перыяд з'яўляюцца катэгорыяй насельніцтва з абмежаванымі правамі, якія вельмі часта былі ахвярамі так званага «белага рабства», якое з'яўлялася значнай праблемай для маралі, дзяржавы і ў цэлым грамадства Расійскай імперыі. Таксама яшчэ адной катэгорыяй маргінальных груп насельніцтва Беларусі з'яўляюцца людзі са звышнатуральнымі здольнасцямі і ўласцівасцямі: каб быць прылічаным да дадзенага тыпу персанажаў народнай дэманалогіі не заўсёды абавязкова было здзяйсняць якія-небудзь магічныя рытуалы і дзеянні, часта дастаткова было мець нейкія фізічныя ці ж псіхічныя адхіленні.

Структура і аб'ём магістэрскай дысертацыі. Магістэрская дысертацыя прысвечана аналізу дэвіянтных паводзін маргінальных груп насельніцтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя. Праца складаецца з ўводзін, трох агульных характарыстык, заключэння, спісу крыніц і літаратуры. Аб'ём магістэрскай працы разам з агульнымі характарыстыкамі працы – 86 старонак. З іх: спіс літаратуры і крыніц – 7 старонак, агульныя характарыстыкі работы на беларускай, рускай і англійскай мове – 6 старонак.

ВВЕДЕНИЕ

Тема девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси в конце XIX – начале XX века в наше время является актуальной проблемой для исследования. В изучаемый период происходит капиталистическая модернизация в Российской империи, которая ускорила процессы формирования белорусской нации, что означает, что исследование социальных процессов, в том числе и девиантного поведения, которые происходили в те времена тесно связаны с нашим пониманием современной социальной действительности и проблем социальной девиации и неформальных отношений в Республике Беларусь на современном этапе ее существования. Такого плана исследование также позволяет увидеть тенденции и особенности девиантного поведения, позволяет сравнивать и использовать опыт предыдущих лет во взаимодействии, решении вопроса девиантного поведения маргинальных групп и общества. Материалы работы в дальнейшем могут быть использованы в профессиональной деятельности исследователей при обобщении и систематизации знаний.

Виды и формы девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси (а также и реакции общества на него) зачастую настолько разнообразны и неоднозначны, а люди, являющиеся образцами социальной девиации настолько различны в своем как внешнем, так и внутреннем облике и проявлении, что, несмотря на достаточное количество источников и литературы по такой проблеме, как изучение девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси, которые, на первый взгляд, исчерпывают круг вопросов, оставшихся нераскрытыми, тем не менее, всегда оставляют исследователям возможность дальнейшего более углубленного и детального изучения проблемы.

Значение изучаемого вопроса заключается в том, что полноценный, детальный анализ источников и литературы по проблеме, выявление особенностей и закономерностей в девиантном поведении маргинальных групп населения Беларуси в изучаемый период, представление сведений о взаимодействии с маргинальными группами общества и государственных структур являются значимым вкладом в изучение социальной истории Беларуси в период вхождения ее в состав Российской империи, так как этот вопрос представляет собой неотъемлемую часть отечественной истории. Научных работ конкретно по изучаемой тематике не много, часто они имеют частично иную направленность, тематику, смежную с данной или же являются лишь исследованием отдельных аспектов социальной девиации маргинальных групп, дающие лишь отдаленное представление о ситуации в данном вопросе в целом. Однако, что важно, с каждым годом интерес к данным проблемам все более возрастает, привлекая все новых и новых ученых, которые понимают значимость

изучения всех социальных явления, даже самых отрицательных и выходящих за пределы принятых в обществе норм.

Цель данной работы заключается в том, чтобы показать особенности и характерные черты девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси в процессе формирования формальных и неформальных отношений на территории Беларуси в период второй половины XIX – начала XX столетия.

Работа, в соответствии с целью, ставит перед собой следующие задачи:

- Рассмотреть историографию изучения девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси в изучаемый период, а также охарактеризовать источники и методы изучения проблемы.
- Проанализировать существующие понятия о девиантном поведении и норме, выяснить причины и, непосредственно, определение девиантности, социальной девиации маргинальных групп, представить общие сведения и варианты классификации оных.
- Показать проявления социальной девиации и девиантного поведения на примерах нищих, проституток и людей со сверхъестественными способностями и свойствами, а также отразить реакцию на них со стороны общественности.

Объектом данной работы являются социальные процессы в Беларуси, предметом – формы девиантного поведения маргинальных групп населения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века.

Хронологические рамки исследования охватывают период от знакового для истории Беларуси и Российской империи в целом события – отмены крепостного права 19 февраля 1861 года – до не менее значимого для отечественной истории года – 1914-го, когда началась Первая мировая война. Нижняя хронологическая граница обусловлена изменениями, которые стали происходить в среде крестьянства после отмены крепостного права, а также сопутствующей им активной маргинализации крестьянства в данный период, что приводило к увеличению числа людей, поведение которых выходило за рамки норм, являясь по сути своей девиантным.

Верхняя же хронологическая граница обусловлена тем, что Первая мировая война послужила толчком для совершенно новых процессов: для разрушения Российской империи и ее структур, изменения в численности маргинальных групп и их качественном наполнении, в том числе и для некоторых изменений в самом определении понятий девиации и нормы. Кроме того, вскоре возникает совершенно новое государственное образование – БССР, с новыми законами и политическим строем. Поэтому работа ограничивается началом фактического конца существования Российской империи, временем переломной мировой империалистической войны.

Географические же рамки ограничены современной территорией Республики Беларусь, это обусловлено тем, что все белорусские земли в современном их понимании входили в изучаемый период второй половины XIX – начала XX столетия в состав Российской империи.

Магистерская диссертация имеет следующую структуру: общие характеристики работы на трех языках; введение; основная часть, которая представлена тремя главами: первая глава посвящена рассмотрению историографии, источников по проблеме, а также методов исследования; вторая глава посвящена определению девиации и нормы в обществе Беларуси второй половины XIX – начале XX века, в третьей же главе рассматриваются формы и проявления девиантного поведения на примере нищих, проституток и людей со сверхъестественными способностями и свойствами как представителей-образцов социальной девиации; заключение; список использованных источников и литературы. Список использованных источников и литературы оформлен в соответствии с алфавитным принципом (наименования). Общий объём работы составляет 86 страниц.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Историография

Социальная девиация, девиантное поведение маргинальных групп населения Беларуси остаются достаточно малоисследованными аспектами отечественной истории второй половины XIX – начала XX века. Значительный шаг в разработке данного вопроса сделан современными отечественными и зарубежными учеными, однако далеко не все стороны девиантного поведения и неформальных отношений проанализированы на достаточном уровне, чаще всего работы исследователей посвящены отдельным группам маргиналов или же их девиациям, однако фактически проблема не изучается комплексно. Следует отметить, что на данный момент в историографии практически отсутствуют работы, которые бы предоставляли всестороннее рассмотрение и анализ данной проблемы, наиболее полно раскрывали ее.

Среди всего массива работ можно выделить три отдельные группы: 1) исследования, проведенные учеными (в основном этнографами, собирателями народного фольклора и местных традиций народов империи) Российской империи во время экспедиций или на основе имеющихся ранее данных, собранных их предшественниками; 2) исследования советского периода (1920-е – 1991 г.); 3) современные исследования (с 1991 г.). Иностранные научные работы по изучаемой проблеме представлены в большинстве своем российскими авторами и исследователями, однако изучения маргинальных групп населения Беларуси касается и ряд зарубежных исследователей о которых речь пойдет немногим позже. Интерес же российских ученых к данной проблематике можно объяснить частично тем, что современные территории Беларуси в изучаемый период времени были частью такого государственного образования как Российская империя.

Что касается первой группы работ исследователей-современников изучаемого периода конца XIX – начала XX века, представленной в основном трудами исследователей-этнографов, здесь стоит отметить труды классиков белорусской этнографии и этнологии: Сержпутовского А.К., Довнар-Запольского М.В., Романова Е.Р. Их труды позволяют в значительной степени рассмотреть отношение к нищим и людям со сверхъестественными способностями и свойствами со стороны народа. Опираясь на этнографические исследования можно найти достаточно сведений трепетно собранных этнографами и этнологами того времени.

Стоит отметить, что до последней трети XVIII столетия полноценной этнографии на территории современной Беларуси, как отрасли комплекса гуманитарных дисциплин, еще не существовало. Ее становлению предшествовал длительный этап накопления информации и знаний. В большей степени, информация эта представлена в виде разнообразных по форме и содержанию письменных памятников, художественных произведений, а также предметов материальной и духовной культуры. Однако, несомненно, что множество так называемых протоэтнографов так или иначе затрагивали вопросы, которые, безусловно, интересуют и современных этнографов. В их трудах можно подчерпнуть немало информации, которая заинтересует и исследователя социальной истории, в частности девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси. Протоэтнографы не ставили себе одну конкретную цель – изучить социальную девиацию –, однако среди прочих сведений, которые они фиксировали, встречаются и ценнейшие данные по данной проблематике.

Непосредственно профессиональное, научное изучение белорусов и белорусского края началось в самом конце XVIII – начале XIX века. Интересно, что этнография Беларуси имела некоторые особенности с самого начала своего формирования. После присоединения белорусских территорий в результате трех разделов Речи Посполитой к Российской империи, а также оживления национально-освободительного движения (как пример, восстание Тадеуша Костюшки 1794 года, восстание 1831 года), перед русской и польской общественностью возникла проблема существования и белорусской народности. Что привело к тому, что с самого своего зарождения этнография белорусских земель часто имела ярко выраженную политическую окраску.

Исследования белорусских территорий в Российской империи не были систематическими и, зачастую, целенаправленными. Особенно в период конца XVIII – начала XIX столетия можно встретить лишь отдельные труды различных исследователей, не составляющие некой системы, а являющиеся независимыми и никак не связанными между собой этнографическими работами, во второй половине XIX века ситуация меняется, на белорусские земли были отправлены десятки экспедиций, были проведены масштабные этнологические исследования с целью доказательства необычайной схожести белорусского и русского народов, которые по итогу дали совершенно иные результаты. Данные труды имеют значение не только для изучения мифологии, демонологии и в целом традиционной народной культуры Беларуси, однако и несут в себе уникальные сведения о том, что же в понимании наших предков являлось нормой, что же было проявлением социальной девиации, а также, где заканчивались формальные отношения в белорусской деревне и начинались, соответственно, неформальные.

Среди прочих исследователей-этнологов, ценнейшие сведения о неформальных отношениях и девиантном поведении дают нам работы Сержпутовского А.К., известнейшего белорусского этнолога и фольклориста. Такие его работы, как «Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў» [73], а также «Сказки и рассказы белорусов-полешуков» [72] помогают через призму народного быта, традиционной культуры, демонологии и мифологии проследить особенности изучаемых проблем касательно белорусского Полесья.

Также следует отметить труды такого белорусского историографа, фольклориста, этнолога и экономиста как М.В. Довнар-Запольский, среди которых особого внимания заслуживает «Чародейство в Северо-Западном крае» [19]. Рассматривая чародейство, ведьм и колдунов, и в целом демонологические и мифологические аспекты можно выйти на проблемы существования в обществе людей, воспринимаемых другими как люди со сверхъестественными способностями и свойствами, которые являются ярким примером социальной девиации в белорусской деревне во второй половине XIX – начале XX века.

Невозможно не упомянуть про исключительно важный труд Е.Р. Романова, непосредственно касающийся классификации, быта и детального описания нищих Могилевской губернии, а также их особенного языка – «Очерки быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («Любецкий лемент»)» [69]. Данная работа является по своему роду этнографическим обзором, который издал отдела Императорского Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете в 1890 году. В ней Е.Р. Романов фактически сводит в одно целое собираемый им материал и всяческие наблюдения за нищенствующими, кроме того автор проводит параллели с другими белорусскими губерниями Российской империи, а также и с самой Россией, положением и бытом ее нищих в сравнении с белорусскими. Особенностью данного труда стало детальное описание тайного языка местных нищих, история его происхождения, изменения с течением времени и сфер применения. Евдоким Романов также поместил в одном из своих трудов словарь языка «любков» (содержащий около тысячи различных слов), который по их мнению был некогда придуман библейским персонажем Соломоном; язык с течением времени подвергся значительным искажениям и значительно удалился от своего прообраза. Кроме того, исследователь провел отличную параллель между любецким лементом и катрушницким лемезнем (шаповальским языком), а также языком нищих Слуцкого уезда. При изучении тайного языка нищих применялся историко-сравнительный метод.

Кроме сравнений, проведенных некогда Евдокимом Романовым, была проведена параллель с тайным языком нищих Брянска и Брянского региона. Так, исключительным и неповторимым в своем роде является этнологический очерк П.Н. Тиханова, изданный в Брянске в 1895 году, который представляет из себя,

как пишет сам автор, «этюды о тайноречии... брянских нищих» [78, с. 3], который вышел под заголовком «Тайный язык нищих» [78]. Объектами для сравнения стало образование языка, особенности строения, его морфемы, сферы использования. Издание публиковалось без этимологической части, а также без примечаний автора, в связи с тем, что у местной типографии попросту не хватило средств на включение и этих частей, тем не менее и в таком виде этнологический очерк стоит внимания ради знакомства с одной из любопытнейших бытовых сторон Брянских земель. Кроме того, для сравнения нищенского языка белорусских бедняков и иных (в данном случае – украинских) была использована статья этнографического содержания Ефименко П. «Братства и союзы нищих» [22], которая исследует нищенство Харькова и Харьковского края. Издана статья была в Киеве в издательстве «Киевская старина» в 1883 году.

Кроме того, при рассмотрении проблемы тайного языка белорусских нищих необычайно полезным является труд Сцепуро Ф. «Русско-нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкого уезда Минской губернии местечка Семежова: Приложение к протоколам Отделения русского языка и словесности Императорской Российской академии наук. С отзывом А.Ф. Бычкова» [76], а также Микуцкого С.П. «Материалы для корневого и объяснительного словаря русского языка и всех славянских наречий: выпуск 1» [38]. Оба издания по сути своей являются словарями языка нищенствующих, которые демонстрируют нам переводы слов на русский язык, что позволяет еще глубже проникнуться в интересный мир тайного языка нищенствующих.

Это лишь часть всех тех этнографических работ, которые дают нам уникальные сведения о девиантном поведении и неформальных отношениях на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX столетия. Часть же из них размещена в подглаве «Источники», так как для этнологов современности данные труды входят в разряд классических этнографических трудов и представляют из себя не достояние историографии, а источники этнографического характера. Принадлежность некоторых к таковым остается зачастую спорной, вызывая множество противоречий среди видных исследователей.

Проблема проституции в Российской империи, несмотря на ее малую разработанность исследователями в Беларуси давно является актуальной темой для многих российских и зарубежных ученых, в том числе и современников событий конца XIX – начала XX века. Особенно проституция привлекла к себе внимание в начале XX века, породив огромное число как научных, так и околонуточных исследований вокруг нее.

Проблема проституции в Российской империи широко и полно раскрыта в работе следователя Бентовина Б. «Торгующие телом. Очерки современной проституции» [1], который приводит уникальные данные, характеризующие

полицейский и медицинский надзор за проституцией, численность проституток, их социальный состав и многие другие данные, которые посвящены положению дел не только в столицах империи, однако касаются непосредственно белорусских губерний. Организации надзора за проституцией посвящен также труд Грацианова П.А. «К вопросу о реорганизации надзора за проституцией в России» 1895 года издания [11].

Проституция привлекала внимание государственных учреждений во многом из-за невероятно широко распространяющейся болезни – сифилиса, который, считалось, передается такими темпами именно благодаря во всю развернувшейся тайной проституции. Поэтому данной проблематике посвящены многие полноценные, поистине массивные исследования историков-медиков Российской империи. Среди прочих можно выделить Кузнецова М. и его «Проституцию и сифилис в России. Историко-статистический очерк» 1895 года, который в деталях представляет читателю статистику, связанную с распространенностью сифилиса, мерах по борьбе с ним, а также исключительно детальную характеристику жизни проституток, государственного вмешательства в проституцию [30]. Также московский врач Грязнов К. оставил для исследователей массивный труд – «Проституция как общественный недуг и меры к его врачеванию», который кроме всего прочего содержит в себе уникальную информацию о торговле женщинами [15]. В обеих работах, как и в многих других подобного типа, приводятся сведения, касающиеся белорусских губерний, в особенности города Минска, Могилева, Витебска и других крупных населенных пунктов Беларуси.

Проституции и ранее была излюбленной темой для публицистов, однако стремительно развивающееся, модернизирующееся общество империи породило еще большее количество и публицистики наряду с строго научными работами. Среди таковых особо бросается в глаза книга Шишкова С.С. «Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. История русской женщины» – эмоциональная и вместе с тем ценная статья о положении женщины-проститутки, а также о таком злостном преступлении, ей совершаемом, как проституция [85]. Федоров А.И. в «Позорном промысле» 1901 года издания обличает проституцию и ее проводников [81]. О жизни столицы в ночное время, действиях «ночных бабочек» и их сутенеров повествует нам Никитин Н.В. в «Петербурге ночью» 1903 года [64]. Общественный резонанс и вместе с тем всеобщий интерес вызвала статья Мукалова Н.А. «Дети улицы. Малолетние проститутки», повествующая о ужасах, происходящих с детьми-проститутками в городах Российской империи, таким образом раскрывается проблема детской нелегальной проституции [39]. Данной проблематике посвящена и статья, опубликованная в журнале Министерства Юстиций в 1899 году «О преступности малолетних в России» под авторством Тарновского Е.Н. [77].

Следует отметить, что советский период нашей истории характеризуется тем, что в данное время тема изучения социальной девиации, а тем более маргинальных слоев населения Беларуси не была достаточно популярной и актуальной, по крайней мере для профессиональных историков; перед советским руководством и учеными, в том числе и белорусскими, стояли совершенно иные задачи и существовало иное понимание истории, ее предназначения, роли. В связи с этим, вопросы девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX века не были актуальной проблемой, которая бы интересовала исследователей того времени, и мы не находим широкого раскрытия данной проблематики в советской историографии. Несмотря на это, можно выделить ряд работ, которые в большинстве своем появляются на заре существования Советского союза, когда тематика исследований начинает значительно расширяться, которые хоть и не ставили своей целью раскрыть особенности девиантного поведения маргинальных групп населения, так или иначе, помогают исследователю разобраться в вопросах понимания нормы и девиации в понимании белорусов. Таковой является, например, работа «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» Громыко М.М. (1986) [13], также «Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.» Бернштам Т.А. (1988) [2]. Уникальной является труд авторов Кореленко Ц.П. и Донских Т.А. «Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире» (1990) [35], которая проливает свет на теоретические аспекты вопросы социальной девиации.

После того, как Советский союз прекратил свое существование, исследователи получили возможность изучать проблемы, которые ранее фактически не допускались к изучению, так как не стыковались с положениями, идеями советской пропаганды и были не доступны для всестороннего изучения и тем более публикации результатов исследований. Начало 90-х годов XX века дало толчок для изучения проблем в том числе и социальной девиации в Беларуси как неотъемлемых частей социальной истории нашей страны. Работ конкретно по тематике девиантного поведения маргинальных групп населения не много, часто они имеют совершенно иную направленность, лишь смежную с данной или же являются исследованием отдельных аспектов социальной девиации и неформальных отношений в Беларуси. Однако, что важно, с каждым годом интерес к данным проблемам все более возрастает, привлекая все новых и новых ученых. Появляются теоретические труды по вопросам социальной девиации, среди которых стоит выделить – «Норма и девиация в русской деревне во второй половине XIX века: теоретический аспект» [36] Менщикова И.С.

Одна из тем, которая начинает привлекать исследователей – быт, жизнь и положение нищенствующих, в том числе в Российской империи. В плане

изучения нищенствующих, одной из примечательных работ является труд коллектива авторов: Бутовская М.Л., Дьякова И.Ю., Ванчатова М.А. «Бредущие среди нас. Нищие в России и странах Европы, история и современность» [3], в котором приводятся данные статистики по количеству нищих в Российской империи и многое другое. Нищие начинают рассматриваться с различных сторон, как, например, в работе Ларше Ж.К. «Библейский источник юродства» [32]. Важной проблемой для изучения становится благотворительность на белорусских землях, которая затрагивает и проблему нищенства, среди исследователей данной проблематики видным ученым является Кныш О.В. [28].

Среди прочего, следует отметить колоссальный вклад в исследование этнологии белорусских земель, демонологии, фольклора, а также изучения девиантного поведения таких видных российских ученых, как Виноградовой Л.Н. и Толстой С.Н. Ими была выпущена по истине уникальная публикация «Народная демонология Полесья» [6], включающая в себя несколько томов, особенно ценен для изучаемой проблемы первый том: «Люди со сверхъестественными способностями и свойствами», где представлены сведения в том числе о реакции общества на данных демонологических персонажей в представлении народа, способов борьбы с ними и многое другое, однако работа посвящена положению в основном в малых населенных пунктах белорусского Полесья. Кроме того, понимание природы суеверий, связанных с людьми со сверхъестественными способностями и свойствами дает работа Власова М.Н. «Энциклопедия русских суеверий» [8]. Среди отечественных этнографов особого внимания требует Новак В.С., чьи работы «Асаблівасці сучаснага стану бытавання ніжэйшай міфалогіі на тэрыторыі Гомельшчыны» и «Славянская міфалогія: (на матэрыялах Гомельскай вобласці)» являются ярким примером активного развития этнологической науки в современной Беларуси, актуальности проблем социальной девиации и неформальных отношений, описывают особенности традиционной народной демонологии Гомельского Полесья.

Среди современных работ ученых, которые посвящены детской проституции следует выделить статью Синовой И.В. «Гендерный анализ девиантного поведения подростков на рубеже XIX–XX веков», которая описывает разные формы детской девиации, в том числе и проституцию [74].

В современной Республике Беларуси исследованием проституции в изучаемый период занимается крайне мало историков, как и в целом проблематикой девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси. Однако, следует отметить исключительный вклад в изучение проституции городов Беларуси на рубеже XIX – XX столетий доцента кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета, кандидата исторических наук Воронич Т.В. Исследовательница

провела колоссальную работу, проанализировала многие фонды Национального исторического архива Беларуси и его отделения в городе Гродно, связанные с проституцией, таким образом выпустив несколько впечатляющих трудов, которые всесторонне характеризуют ситуацию с проституцией в белорусских губерниях Российской империи. Во-первых, это статья в небезызвестном журнале «ARCHE» опубликованная в 2011 году под заголовком «Прастытуцыя ў гарадах Беларусі: другая палова XIX – пачатак XX стст.» [4], во-вторых, это отдельная работа по проституции в Гродно – «Город и проституция: из истории повседневности Гродно (вторая половина XIX – начало XX вв.)» [9], а также научная статья, посвященная представительницам древнейшей профессии города Минска – «Царские власти в борьбе за моральность минчан: вторая половина XIX – начало XX в.» [10]. Это лишь часть исследований Воронич Т.В., которые являются наиболее значимыми и масштабными. Воронич Т.В. также сотрудничала с известной белорусской виртуальной новостной сетью «tut.by», где также была специально подготовлена отдельная рубрика о проституции в Беларуси во времена Российской империи. На сегодняшний день работы Воронич Т.В. являются наиболее полным анализом городской проституции на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века, раскрывающие не только положение проституток, однако характеризующие бордели, детскую проституцию, проституцию и закон, реакцию горожан того времени на данную маргинальную группу; однако данные работы все равно оставляют поле для дальнейших исследований, так как охарактеризована ситуация, касающаяся в основном Минска и других крупных городов столицы и совсем немного затрагивается данная проблема по другим городам, местечкам Беларуси.

Таким образом, историография проблемы переживала изменения с течением времени. Интерес к изучению девиантного поведения маргинальных групп населения существовал еще у современников событий во второй половине XIX – начале XX века, однако после наступило время временного затишья в период существования СССР, где проблемы социальной девиации, маргинальных групп в Беларуси не считались достаточно необходимыми для исследования и остались за бортом того массива исследований, которые выпускались и были подчинены задачам советской пропаганды, что продолжалось почти семьдесят лет. После того, как СССР прекратил свое существование, ученым стали доступны ранее табуированные и неактуальные в советские времена темы, в том числе стала широко развиваться социальная история, а в ее рамках изучение девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси.

1.2 Источники

В данной магистерской диссертации были задействованы следующие виды источников: этнографические источники, материалы периодической печати, а также материалы делопроизводства [41-63] (такие как дела по рапортам, дела по предложениям, дела об утверждении и учреждении, дела по прошению, годовой отчет).

Одной из самых ценных групп источников среди вышеперечисленных при исследовании оказались источники этнографического характера. Данный вид источников позволяет проникнуть вглубь традиционной культуры, верований, представлений населения территории Беларуси второй половины XIX – начала XX века и проследить на основании народных, настоящих и живых свидетельств о существовании исследуемых понятий девиантного поведения маргинальных групп населения, увидеть все воочию глазами очевидцев, носителей традиций, а не только лишь через призму официальных документов, отчетов и прочего. Часть из этнографических трудов были размещены в разделе «Историография», что объясняется тем, что часть этнографических исследований благодаря своей ценности, уникальности и достоверности данных среди определенного круга ученых принято считать достойными входить в число источников, а не достояния историографии.

Сведения об образе жизни, обрядах и поверьях, а также о характеристике особенностей нищенского языка Могилевской губернии (данные о своеобразной «отвращенной», или «отверницкой» речи мещан Кричева и т.д. [34, с. 90-92]) и о характеристике особенностей культуры и категорий местных нищих находятся в одном из значимых этнографических трудов: «Описание Кричевского графства или бывшего староства Гр. Ал. Потемкина, в ста верстах от Дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губернию» (в этнографической части труда – «О российских жителях») составленное исследователем А. Майером (генерал-майор, историк и этнограф, естествовед) [34]. Доподлинно неизвестны причины организации экспедиции Майера в Беларусь, однако, как предполагает Е.Р. Романов, который частично издал материалы этнографа в 1901 году в «Могилевской старине», описание данных территорий было составлено, некогда, видимо, по распоряжению графа Потемкина, который с 1772 года являлся владельцем изучаемых земель, которые он получил после первого раздела Речи Посполитой. Граф был заинтересован в составлении карты его владений, кроме того, переписи населения, а также в изучении условий для ведения сельского хозяйства, в информации о наличии полезных ископаемых.

Некоторые статистические данные, касающиеся нищих, и ценнейшие заметки о жизни нищих дает нам труд А.С. Дембовецкого, изданный в Могилеве еще в 1882-1884 годах, «Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном,

сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях» [17]. Не имея своей целью сделать конкретно этнографическое описание, автору все же удалось оставить уникальные сведения, которые как нельзя кстати пришлось при написании данной магистерской диссертации.

Уникален этнографический обзор Е.Р. Романова, несущий в себе информацию о вариантах классификации нищих, детальное описание быта нищих Могилевской губернии, а также их особенного языка – «Очерки быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («Любецкий лемент»)» [69], которые издал отдел Императорского Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете в 1890 году. В ней Е.Р. Романов фактически свел в одно целое весь собранный им материал и всяческие наблюдения за нищенствующими, кроме того автор проводит параллели с другими белорусскими губерниями Российской империи, а также и с самой Россией, положением и бытом ее нищих в сравнении с белорусскими.

Также следует отметить необходимость использования для исследования девиантного поведения в Беларуси сведений, находящихся в классических работах по белорусской этнографии и этнологии, таких как труды Никифоровского Н.Я. [65], Сержпутовского А.К. [73, 74], а также Довнар-Запольского М.В [18, 13]. Несомненно, представленные в работах материалы раскрывают исследователю самые глубины души белорусского крестьянина, позволяя не только проникнуться особенностями национальной традиционной культуры, однако и отыскать причины непринятия некоторого поведения, которое мы можем относить к социальной девиации, а также определить, что же для белорусов представляли из себя неформальные отношения. В дополнение к перечисленным исследованиям следует добавить «Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа» Смирнова А. [75], которые дают возможность частично раскрыть особенности понятия социальной девиации, характерные для восточных славян.

В 2009 году издательство «Права і эканоміка» в городе Минске издало подготовленный исследователем белорусского народного обрядного фольклора, демонологии Гомельщины В.С. Новак сборник, состоящий из этнографических данных, собранных на территории Гомельской области «Славянская міфалогія (на матэрыялах Гомельскай вобласці)» [67]. В данной публикации дается информация об основных персонажах демонологии, известных как люди со сверхъестественными способностями и свойствами, и, что самое главное, способы местного населения противостоять данным персонажам, определение поведения оных как проявления социальной девиации.

Среди значительных источников этнографического характера несомненно следует выделить опубликованный издательским домом «Языки славянских

культур» в Москве в 2010 году уникальный сборник этнографических текстов о народной демонологии полесского региона, а если быть точным, о людях со сверхъестественными способностями с свойствами, подготовленный выдающимися исследователями демонологии, мифо-ритуальной традиции славян и их социальной культуры Л.Н. Виноградовой и Е.Е. Левкиевской [6]. Данная публикация представляет собой первый том четырехтомного издания полевых материалов по демонологии, собранных некогда академиком Н.И. Толстым. Впервые все тексты многочисленных экспедиций стали доступны широкому кругу читателей. Великолепно описанный по единому принципу полевой материал не только позволил построить полную типологию мифологической системы фактически всей южной Беларуси, но проследить диалектные различия в демонологических верованиях, а на их основе произвести выводы о том, что же понималось под социальной девиацией, и как поведение человека могло стать девиантным в представлении людей того времени и в разных регионах Беларуси.

Среди периодических изданий, на которые несомненно следует обратить внимание, несущих в себе необходимые данные о девиантном поведении и неформальных отношениях, является еженедельная иллюстрированная газета, вестник истории, государственной, социальной и экономической жизни Российской империи – «Живописная Россия» (полное название которой звучит как «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении») [24], в которой было отражено и положение белорусских и литовских территорий. Крупное 19-томное издание на основе статей, которые публиковались в указанной газете подготовило товарищество М.О. Вольфа в 70-х годах XIX века, а опубликованы тома были в течении 1881-1901 годов. М.О. Вольф ввиду огромного риска значительных денежных затрат и трудностей в поиске подходящих для реализации его замысла авторов, ученых и художников, долго не решался на издание, поэтому между подготовкой к изданию и непосредственно самим изданием томов и появился такой зазор, достигающий даже не месяцев, а некоторого количества лет. «Живописная Россия» является одним из самых дорогих изданий российского книгопечатания. Содержит в общей сложности 220 очерков, написанных 93 писателями. Часть данных очерков, как уже упоминалось, имеют непосредственное отношение к территории Беларуси, и объединены в один том (третий), имевший подзаглавие: «Литовское и Белорусское Полесье». На данный момент издания тех лет являются большой библиографической редкостью, поэтому в данной магистерской диссертации были задействованы данные из репринтной публикации 1993 года издательства «Беларуская Энцыклапедыя» города Минска на основе издания 1882 года [24].

«Литовское и Белорусское Полесье» полностью посвящено описанию истории и природы литовских и белорусских земель, материальной и духовной культуре населяющих их народов, в том числе и белорусов. Большинство же очерков к данному тому были написаны известным белорусским этнографом и историком А.К. Киркором. Из данных очерков можно подчерпнуть сведения о традиционной культуре белорусского крестьянства и ее региональных особенностей, что является исключительно полезным при рассмотрении девиантного поведения, понятия нормы, а также неформальных отношений в белорусской древне во второй половине XIX – начале XX века.

Кроме того, о алкогольной культуре белорусской шляхты и крестьянства, а также и про алкогольную культуру нищенствующих дает информацию статья Зенько Н. «Зубровку придумали в Беларуси, но мы упустили свой шанс». Историк про алкогольную культуру наших предков.» [25], Данная статья была опубликована на белорусском веб-сайте портала Onliner.by 15 октября 2017 года.

Следующей группой источников являются материалы делопроизводства из Национального исторического архива Беларуси (НИАБ), касающиеся положения проституток, нищих и людей со сверхъестественными способностями и свойствами, отношения местных властей к ним, а также разнообразных форм благотворительности, касающихся данных групп [41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63] – дела по рапортам, дела по предложениям, дела об утверждении и учреждении, дела по прошению, устав, список проституток, обязательные постановления, а также годовой отчет. Среди выше перечисленных особо ценным является «Годовой отчет по городскому дому трудолюбия (Витебск)» [59], «Дело об учреждении благотворительного общества призрения бедных в немецком лютеранском приходе в гор. Витебске» [63], которые дают возможность оценить работу с нищенствующими со стороны официальной документации. Особенной ценностью обладает также «Дело по вопросам профессионального нищенства Витебской губернии (2 января 1898 – 27 октября 1898)» [53], которое состоит из рапортов уездных исправников и полицмейстеров Витебской губернии и единого отчета губернатора по губернии, в которых раскрываются вопросы о количестве бедных, принимаемых против них мер и многие другие вопросы. Кроме того, источниками для работы стали: «Дело по рапорту полоцкого уездного стряпчего о запрещении нищим ходить и просить милостыню по гор. Полоцку» [51], а также «Отчет Московского «Комитета для разбора и презрения просящих милостыни» [56], как важный источник по положению белорусских нищих за пределами территорий белорусских губерний. Непосредственно проституции в городах Беларуси касается ряд документов, среди которых наибольшую ценность представляют «Устав Городской больницы для проституток в г. Минске.» [42] и «Обязательные постановления Минской

городской думы о санитарном надзоре за проституцией» [46], а также «Список проституток г. Игумень» [45], которые позволяют детально рассмотреть проблему проституции со стороны государственного управления империи, изучить официальные документы по проблеме.

Особой группой источников также являются официальные публикации государственных органов Российской империи, публиковавшиеся в основном в конце XIX – начале XX века. Широкий спектр данных предоставляет исследователю «Проституция: по обследованию 1-го августа 1889 года» [68], выпущенная Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел империи под редакцией А. Дубровского в Санкт-Петербурге. Необычайно ценными являются официальные уставы. Часть данных было взято из уставов Российской империи, таких как «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Изд. 1885 г.» [79] и «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» [80].

Таким образом, имеется достаточная база источников для изучения темы девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX века. В Национальном историческом архиве Беларуси находятся архивные документы, которые были использованы при написании данной магистерской диссертации. Архивные документы позволили проанализировать многие аспекты исследования и прийти в итоге к соответствующим выводам, имели особую ценность для выявления особенностей отношений между представителями маргинальных групп населения и государством, регламентацией первых в законах и прочих официальных документах. Поэтому, наряду с архивными источниками, ценность также имеет и работа с официальными публикациями министерств Российской империи и различных уставов, касающихся судебного дела, и, непосредственно, некоторых аспектов проблематики девиантного поведения маргиналов. Важным источником также являются труды этнографов, как современников событий, так и современных, которые позволяют взглянуть на проблемы социальной девиации с позиции народа и живой традиционной культуры. Для написания данной магистерской диссертации были использованы данные, представленные в работах выдающихся этнографов Никифоровского Н.Я., Сержпутовского А.К., Довнар-Запольского М.В, Романова Е.Р. и многих других. Еще одним немаловажным источником при изучении указанной проблемы являются также некоторые материалы периодической печати – времен империи и современных, которые позволяют прикоснуться к точке зрения публицистов на нищенство, проституцию и людей со сверхъестественными способностями и свойствами. Использование и сочетание различных источников позволяет всесторонне исследовать вопрос девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси во второй половине XIX – начала XX века.

1.3 Методология и методы исследования

В данной магистерской диссертации были использованы следующие методы исследования: историко-сравнительный, историко-системный, анализ и синтез.

Историко-сравнительный метод позволяет найти, выявить и описать суть исторических процессов по их подобию или различию их свойств и признаков, а также сравнить, соответственно, различные процессы. Этот метод относится к группе теоретических методов исследования. Примером его использования может служить сравнение понятий девиации и нормы у белорусского населения до отмены крепостного права в 1861 году и после данного исторического события, то есть проследить изменения, происходящие с фактическим течением времени. Кроме того, примером является также сравнение проявлений девиантного поведения в остальной части Российской империи и белорусских губерниях соответственно.

Историко-системный метод реализует принципы системного подхода. Данный метод направлен на изучение объектов и явлений прошлого как целостных исторических систем: анализ их структуры и функций, внутренних и внешних связей, а также динамических изменений. Используя историко-системный метод в магистерской диссертации возможно проследить, например, изменения и эволюцию в понятии нормы и девиации, формах проявления девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси, неформальных отношений.

Синтез дает возможность соединить все ранее выделенные части (признаки и свойства), характеризующие девиантное поведение и неформальные отношения в белорусских губерниях. Таким образом, с различных отдельных аспектов (понятие девиации и нормы, неформальных отношений; положение в обществе, взаимодействие с ним проституток, нищих и людей со сверхъестественными способностями и свойствами как образцов социальной девиации, их категории и виды, классификация, соответственно) состоит единая научная картина социальной девиации маргинальных групп населения в белорусских губерниях во второй половине XIX – начале XX столетия.

Подводя итог, следует отметить, что в данной магистерской диссертации были использованы следующие упомянутые выше методы исследования: историко-сравнительный, историко-системный, анализ и синтез. Только использование совокупности различных методов и подходов позволяет провести современное основательное историческое исследование на качественно высоком научном уровне.

Таким образом, в области исторических исследований проблематики основательную работу по девиантному поведению маргинальных групп населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX века провели

белорусские и российские исследователи, хотя вклад и других зарубежных исследователей, несомненно, нельзя отрицать. Работы исследователей советского периода, написанные под влиянием марксистско-ленинской идеологии, с началом 1990-х гг. претерпевают некоторые изменения, на их место начинают приходить работы с современными подходами, попытками синтеза и раскрытия ранее неизвестных аспектов вопроса. Однако до нашего времени как в отечественной, так и в зарубежной историографии вопрос девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси имеет ряд неосвещенных сторон, оставляет «белые пятна» в истории проституции, нищенства и людей со сверхъестественными способностями и свойствами, поэтому работа над указанной темой продолжается. При написании данной магистерской диссертации были использованы материалы делопроизводства, находящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ), официальные издания государственных учреждений Российской империи за изучаемый период, этнографические материалы экспедиций, проводимых в Российской империи, материалы периодической печати. В магистерской диссертации были использованы следующие методы исследования: историко-сравнительный, историко-системный, анализ и синтез. Осмысление и переработка данных позволили успешно выполнить цель и задачи, поставленные для решения в данной магистерской диссертации.

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ И НОРМЫ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Термин «девиантное поведение», «социальная девиация» пришел в обиход из социологии и стал широко применяться в различных научных отраслях. Проблема так называемого девиантного поведения находится в центре внимания с начала возникновения социологии как научной дисциплины. Французский социолог Эмиль Дюркгейм, написавший работу, которая в наше время считается классической – «Самоубийство» (1897) –, считается одним из отцов основателей современной девиантологии. Он ввел в науку, кроме всего прочего, понятие аномии. Наряду с девиацией, аномия – это состояние запутанности и дезориентации в обществе, которая чаще всего проявляется во время кризисов или радикальных социальных перемен [21, с. 103].

Несмотря на то, что девиантология существует уже больше века, довольно трудно дать единственное правильное определение того, что же собой представляет феномен, который заключен в рамки данного понятия. Одно из определений «девиантного поведения», которое характеризует термин непосредственно с точки зрения социальных наук, дает Громов И.А., Мацкевич И.А. и Семенов В.А. в своем труде «Западная социология» – это такое устойчивое поведение личности, которое отклоняется от всяческих общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся общественных норм [12, с. 132].

Донских Т.А. и Короленко Ц.П., исследователи, изучающие деструктивное поведение, предложили свою классификацию различных поведенческих девиаций [35, с. 21]. В соответствии с ней, существует нестандартное поведение, деструктивное поведение и внутридеструктивное поведение. Под первым понятием авторы подразумевают действия, которые выходят за рамки существующих у людей социальных стереотипов поведения, но, при этом, играющие положительную роль в развитии общества. Под вторым – деструктивным поведением – авторы понимают действия, которые несут в себе цель нарушить социальные нормы, затронуть законы и права других людей, а также использование каких-то химических веществ или какой-то специфической активности с целью ухода от реального мира и получения желаемых эмоций (аддиктивное поведение). Внутридеструктивное поведение, соответственно, то, которое влияет в большинстве своем на самого человека и личность, оно направлено на дезинтеграцию непосредственно этой личности: как правило, это суицидное, нарциссическое, фанатическое поведение.

Исходя из несколько другой, более простой классификации, условно можно разделить девиантное поведение на три разновидности: аморальное, деликventное и криминальное [36, с. 137]. В первом и втором случае, человек нарушает некие нормы, моральные, этические или совершает какие-то противоправные действия, но которые не предусматривают серьезных наказаний. Применительно к данному периоду, периоду второй половины XIX – начале XX века, более подходящим для исследования является первый и второй вид, так как проявление криминального поведения, как правило, наказывалось непосредственно государственной властью, чьи представления как о праве, так и о, в целом, справедливости могло колоссально отличаться от принятых у крестьян представлений. А, соответственно, аморальное и деликventное поведение регулировалось крестьянской общиной, волостным судом или иным органом.

В последние десятилетия феномен девиации стал все больше интересоваться белорусских и российских не только социологов, медиков и психологов, но и историков. Основной акцент историки, в отличие от специалистов в других областях, делают на влияние исторической среды на поведение именно крестьянства, как основной части населения Российской империи во второй половине XIX – начала XX века и, соответственно, механизмы его регулирования. Основным регулятором, по мнению большинства авторов, выступает своеобразная «община-мир», которая может представляться как в официальном ключе (сельский сход, волостной суд и так далее), так и в неофициальном, которое выражается в существовании общественного мнения, слухов, репутации.

Поведение населения Беларуси регулировали разные виды и социальных норм. Первичным и основным регулятором выступали моральные нормы, точнее сказать, морально-религиозные, которые были прочно закреплены в коллективном сознании белорусов, особенно представителей крестьянства. Известный специалист по данному вопросу Чудновский С.Л. говорил: «С точки зрения юриста-криминалиста, многое нравственное может быть преступным, и не всё, что преступно, должно быть безнравственным; с точки зрения общеправовых понятий народа ... все преступное обязательно безнравственно; все что нравственно, не может быть преступно» [14, с. 95].

Следующий момент, о котором следует сказать, это существование понятия о разном характере «отклоняющегося», девиантного поведения. Оно, в первую очередь, в основном носило отрицательных характер, однако, существуют и положительные для общества отклонения от нормы. Под такими подразумеваются, например, распространение грамотности среди крестьянства или изменения в положительную сторону качества и вида одежды, которую носили люди, хотя в данном случае иногда можно говорить и о некотором

нейтральном характере такого вида девиации. Но об относительности понятия положительности в данном случае можно говорить на примере ситуации со старообрядцами среди русского населения Сибири. Имеются упоминания о том, как люди старой закалки рубили топорами «мирскую одежду» своих дочерей, запрещали, например, употреблять в пищу новомодный картофель, чай, не понимали смысла в грамотности и, зачастую, видели в образованных людях проявления демонических черт, отстаивая таким образом, как им представлялось, «заветы старины» [37, с. 27]. Для этих людей, в их сознании, такие изменения, которые происходили в обществе, были непонятны и являлись, на их взгляд, соответственно, отрицательным отклонением от нормы. Поэтому, несмотря на то, что понятия положительной и отрицательной социальной девиации, без сомнения, имеют право на существование, их значение отчасти субъективно и под разным углом и точкой зрения могут, как хамелеон, когда тот меняет цвет, менять свое значение на диаметрально противоположное.

Само существование понятия – девиация – несомненно, подразумевает и понятие нормы. Норма – предписание или правило поведения в определенных жизненных ситуациях, которые требуется выполнять. Нормы, как правило, не имеют под собой основания в виде какого-то опыта, а априори являются требованиями, субъективно определенными. Соответственно, нормы, безусловно, во все времена не были едины для всех и каждого. Безусловно, что существовали некие и общие для всех моральные и религиозные ценности, которые разделяли не только, например, белорусские крестьяне и горожане, но и населения большей части Российской империи. Вместе с этим, как отмечает Громыко М.М., социальные слои и небольшие – или контактные – группы имели всегда и свои этические традиции, реализовавшиеся в рамках специфики какого-то конкретного этноса [13, с. 3]. Поэтому то, что в одной социальной или этической общности являлось нормой, в другой могло рассматриваться как девиация или отклонение. Также, стоит отметить, что, то, что считалось нормой в одно время, зачастую могло резко осуждаться, например, в другое время.

В основе системы взглядов крестьян Российской империи на мораль лежали христианские представления. Но, вместе с тем, народная этика, несомненно, допускала зачастую некоторые послабления и даже отклонения от предписаний религии и церкви, тогда отклонения становились на определенное время нормой. Как, например, разгул на масленицу, ритуальное пьянство на свадьбе, ритуальные драки и тому подобное. В этих случаях это отклоняющееся поведение контролировалось обществом и было строго ограничено в рамках праздничных дней или определенных мероприятий и событий, в другое же время, помимо выделенных рамок, схожие действия могли быть осуждены и могли повлечь некие санкции со стороны семьи или общины. Как считают исследователи, данные контролируемые девиации ни что иное, как некие

пережитки древних норм, поведения и ритуалов, характерных не только крестьянской среде, но и городской, но сами участники описанных выше событий едва ли понимали древний их смысл и подтекст.

В связи с таким положением вещей, мнения исследователей, изучающих вопросы социальной девиации разделяются. Часть из них оценивает многие моменты из жизни населения, их особое поведения с точки зрения своих представлений о девиации и с позиций своих нравов, морали и воспитания, находясь таким образом на позиции стороннего наблюдателя. Так, например, видный историк и этнограф, теоретик некоторых положений по изучению девиации в истории Бернштам Т.А. описывая игры и развлечения молодежи Российской империи говорит о том, что нравы крестьянства очень просты, отношения между молодежью во время разного рода посиделок и вечеров имеют очень вольный характер, многие моменты описываются ей в качестве отклонений, девиации, или приближающимися к ним, как, например, возможные различные сексуальные взаимоотношения между парнями и девушками [2, с. 258].

Однако не все ученые подходят к определению так. Другая часть из них, считает, что недопустимо оценивать поведение людей и общества со своих позиций. Они обоснованно настаивают на том, что внешне указанные формы поведения и взаимоотношения могут выглядеть тем, чем на самом деле не являлись по крайней мере с позицией людей того времени. Именно поэтому необходимо учитывать тот факт, что данные вечерки, посиделки и другие увлечения, которые, например, включали довольно близкие отношения между парнями и девушками разрешались и допускались не только родителями, но и всей общиной (где она присутствовала), всем обществом для самих крестьян, таким образом, данные моменты жизни не являлись чем-то ненормальным, девиантным, а даже часто наоборот [29, с. 30]. Но, несмотря на то, что многие развлечения проходили с некоторой вольностью и озорством, допуская различные ласки, поцелуи и другие взаимодействия, существовали некие рамки дозволенного и у участников их был чаще всего и свой внутренний тормоз в виде боязни отвечать перед лицом Бога за свои грехи и проступки, а также боязнь перед общественным порицанием, которое все же давало предпочтение сохранению сложившихся пар и, соответственно, некоего предела в сексуальном взаимодействии до свадьбы. А существование такого рода развлечений и событий довольно гармонично входило в крестьянские представления о дозволенном и давало естественный выход сексуальному напряжению.

Для того, чтобы признать наличие «двойных стандартов», двойной морали применительно к указанной проблеме, имеется весьма мало оснований. Семья и община эффективно регулировали нарушение поведенческих запретов. Наказания, применяемые ими, носили не только позорящий характер, но имели

зачастую материальные последствия: семье с дурной репутацией, например, могло грозить выделение худших участков и угодий, с ними отказывались вступать в семейные отношения.

Страх перед Богом, семьей и односельчанами удерживал многих от того, чтобы переступить установленную запретную черту. Случавшиеся на таких вечерках казусы носили достаточно редкий характер и были примером действительно отклоняющегося от принятых норм поведения, но никак не негласно принятой нормой. Нормы, регулировавшие поведение молодежи отлично действовали, нарушение их наказывалось, морально или даже юридически на основе писаного или обычного права. Смирнов А. приводит как общую моральную максиму следующую фразу: «В дурной славе девушки отцу и матери – бесчестье, роду-племени – укор» [75, с. 69].

Вопрос общественного порицания также особенно остро воспринимался представителями древней профессии – проститутками. Будучи зачастую фактически невольницами борделей и публичных домов, девушки не решались противостоять пленившим их во многом из-за угроз со стороны оных раскрыть сведения о занятиях девушки перед ее родными (это касается в большей степени проституток, прибывших в города из сельской местности), получив таким образом не только возможное отвержение родителями, однако и порицание односельчанами, и дурную репутацию, которая могла выйти далеко за пределы одной родной девушке деревне.

В целом под воздействием модернизационных процессов происходил процесс и трансформации общества, его социальных структур, социальных страт белорусского общества, происходило формирование классов буржуазного общества, колоссально возрос уровень мобильности, как социальной, так и территориальной. Возросшее безземелье крестьянства требовало искать новые пути выживания, в том числе и переселением в город или временные заработки в нем. Однако, число рабочих по сравнению с крестьянским населением все равно оставалось сравнительно небольшим, в промышленности Беларуси в начале XX столетия работало только 237 тыс. рабочих, что составляло всего около 3% от всего населения, проживающих в белорусских губерниях [27, с. 214]. Модернизация имела не только положительные черты, особенно на первых порах наряду с высокими новыми достижениями все явнее и масштабнее стала проблема социальной девиации, тысячи людей остались на задворках стремительно спешащей вперед жизни общества, не поспевая за ним, превращаясь в люмпенизированные и маргинализированные слои населения иногда из-за собственных слабостей, а иногда и из-за самой настоящей невозможности существования по нормам и в соответствии со стандартами общества модернизационного периода.

Ситуация начинает меняться с началом XX века. Да, несомненно, то, что считалось нормой – остается таковой и в это время, то же касается и социальной девиации. Однако, в начале нового столетия, по мере нарастания кризиса традиционной культуры и традиционного общества Российской империи, в состав которой входила и современная территория Республики Беларусь соответственно, случаев поведения, выходявшего за рамки дозволенного, становилось все больше и больше. Семья, государство, общество, церковь, несомненно, пытались бороться с увеличивающимися проблемами, возможно, не всегда успешно из-за возросшего количества отклонений.

Следует отметить, что жизнь людей – это не только совокупность постоянных формальных взаимоотношений, а кроме того и существование неких, выходящих за их пределы. Таким образом, многие моменты, описанные выше, являются примерами неформальных взаимоотношений в коллективе – отношений, которые формируются на основе неких личных особенных привязанностей; кроме того, под неформальными отношениями часто ученые понимают способы действий, которые отличаются от строго формально признанных способов или процедур. Соответственно, как противоположное, формальные отношения в коллективе – это такие отношения, в которых люди «выключают» свое личное и начинают руководствоваться в основном только какими-то условностями и правилами.

Неформальные взаимоотношения сопровождают общество повсеместно, так как многие эпизоды жизни всего общества не вписываются в определенные законы и формальности и находятся за их чертой. Например, коллективное осуждение, способы защиты или суд-расправа над женщиной-ведьмой, которая, по мнению общины или некоторых ее представителей, приносит вред людям, ненормированный формальным законом, но имеющий основу и подоплеку в неформальном взаимоотношении.

Необходимо сказать, что такая категория населения, как крестьянство зачастую в исторической литературе рассматривается как бесправная социальная группа. Однако, это не мешало тому, что внутри сельской общины существовали свои стратификационные фундаменты, которые давали возможности для определенного социального ранжирования в крестьянской среде, для динамики индивидуального социального состояния и, зачастую, перемещений по социальной лестнице. В жизни каждого отдельного крестьянина главное место занимала не его приниженное положение как представителя крестьянского сословия, ведь родиться крестьянином ему было суждено, и никакие личные характеристики на это не влияли. Особенно важным для крестьянина были те обстоятельства, которые он непосредственно мог изменить собственными усилиями, то, что влияло на его личную жизнь, та позиция, которую он занимал в своей повседневной среде – сельском обществе.

Именно общественное мнение, отношение соседей-односельчан и имели для крестьянина исключительное значение. Для того, чтобы добиться такого авторитета, крестьяне старались показать все свои лучшие качества перед миром. В первую очередь внимание обращалось на трудолюбие, усердие и благополучие крестьянской семьи. Эти характеристики и определяли неформальный статус каждого крестьянина в деревенском окружении.

Однако, данная система ранжирования и динамики индивидуального социального состояния могла отлично работать и в обратную сторону. Когда кто-то переставал играть по общим правилам, вести себя, как принято в данном обществе, разрешал себе нарушать законы, установленные в нем, он с легкостью становился изгоем или воспринимался односельчанами совершенно иначе, а поведение его мы сейчас можем называть проявлением социальной девиации [25].

Таким образом, во второй половине XIX века проявлении девиантности, несомненно, существовали. Общество достаточно глубоко и основательно влияло на отдельно взятую личность, но, вместе с тем, оставляла возможность для личной инициативы. Общество или семья могли, несомненно, контролировать поведение своих членов, а при необходимости это могли сделать полиция и суд. Однако, существовали отдельные категории людей, которые жили за бортом существующего общества, формируя отдельные группы людей образцов девиантного поведения. В начале XX века проявления девиантного поведения становится все более частым, община не всегда могла справиться с ними.

Само понятие девиации подразумевает существование понятия нормы. Норма не является таким образом чем-то, строго определенным для всех, само это понятие относительно, и осознание его зависит от точки зрения. Нормы, не имеют под собой основания в виде какого-то опыта, а априори являются требованиями, субъективно определенными. Существующие нормы среди белорусского населения имеют гибкую основу, они изменяются в определенных условиях, в определенное время: в праздники, как пример. Мораль и понимание справедливости у простого населения может кардинально отличаться от мнения о них государственной власти, суда и управления, делая необходимым изучения исследователем общества не в качестве стороннего наблюдателя, а вживаясь в него, стараясь проследить его проблемы «на собственной шкуре».

Определяемые в работе неформальные взаимоотношения в коллективе, которые являются рядом стоящими с понятиями нормы и девиации – это такие отношения, которые формируются на основе неких личных привязанностей. Кроме того, под неформальными отношениями часто понимаются способы действий, которые отличаются от формально признанных способов или неких процедур. Существующие неформальные взаимоотношения сопровождают

общество всегда и повсеместно, так как многие моменты жизни общества не вписываются в определение законы и формальности, и находятся за их чертой, создавая новый вид отношений – неформальных. Неформальные отношения способны изменять, модифицировать или деформировать существующие формальные структуры и отношения, могут идти наперекор им, создавая особые формы реакции на девиантное поведение, не регламентированные законодательством и государственным управлением в целом.

Таким образом, несмотря на то, что девиантология существует уже больше века, довольно трудно дать единственное правильное определение того, что же собой представляет феномен, который заключен в рамки данного понятия – девиация. В последние десятилетия феномен девиации и нормы стал все больше интересоваться белорусских и русских не только социологов, медиков и психологов, но и историков. Основной акцент ученые-историки, в отличие от специалистов в других областях, делают на влияние исторической среды на поведение крестьянства, как основной части населения Российской империи во второй половине XIX – начала XX века и, соответственно, механизмы его регулирования.

ГЛАВА 3. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МАРГИНАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ И РЕАКЦИЯ НА НЕГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

3.1 Нищие

Нищие – одна из наиболее численно больших категорий людей, которые представляют собой яркий пример девиантного поведения на территории Российской империи, в том числе и Беларуси, второй половины XIX – начала XX века. Чаще всего нищие определяются как люди, которые находятся за чертой крайней бедности, которые вынуждены жить за счет лишь всякого рода подаяний и благотворительности, получаемых ими со стороны родственников, если таковые имеются, но чаще всего из рук равнодушных людей – частных лиц и представителей благотворительных государственных или частных организаций и компаний, инициатив.

Слово «нищий» соотносится и происходит от древнеиндийского – «nistyas», что в буквальном переводе имеет значение «чужой», «не местный», «нездешний» и в целом, среди разного рода адаптаций переводов, может являться аналогичным такому определению как «ряженный» [23, с. 35]. Однако, следует отметить, что данное слово не единственный вариант «имени» данной категории маргинальных групп населения Беларуси. Евдоким Романов в своей работе «Очерки быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («Любецкий лемент»)» приводит ряд всевозможных наименований нищих как на территории Могилевской губернии, так и сравнений с наименованиями в других местах Беларуси того времени. Романов описывает такие варианты как старцы, калеки, слепцы. Данные «имена» не являются полными синонимами слову «нищий», а скорее являются словами-гипонимами, разделяя нищих по разным подкатегориям. Понятием старец, соответственно, обозначается нищий пожилого, преклонного возраста. Калеки – люди, которые страдают какими-либо физическими или умственными отклонениями от нормы, вынужденные в силу обстоятельств заниматься попрошайничеством. И, соответственно, слепцы – в свою очередь, как гипоним для слова «калека», под этим понятием подразумевается человек, нищенствующий из-за невозможности к нормальному труду из-за недугов со зрением. Кроме перечисленных, существует множество и других понятий, как, например, юродивые, бобыли, нищие-певцы и многие другие, зачастую то, как именуются нищие зависит от региона, отношения к ним среди местного населения и множества других факторов. Таким образом, необходимо отметить, что существуют, несомненно, также и локальные наименования, тем не менее, которые имеют место быть. В целом, следует

отметить, что все приведенных выше обозначения категории нищих не являются самоназваниями, так данных представителей маргинальных групп населения Беларуси именуют «со стороны» – в народе, государственных структурах. Сами же себя нищие, если и именовали, в большинстве случаев именовали совершенно иначе, и это можно относить только к коллективному, организованному нищенству. Как, например, нищие Могилевской губернии между собой именовались любками [69, с. 118].

Мы подошли к моменту, когда следует определиться, кого мы считаем представителем маргинальной группы – нищих. В жизни людей случаются совершенно разные события, никто не застрахован от несчастных случаев, эпидемий, войн, пожаров. Иногда лишь волей случая человек может оказаться на улице, совершенно один, никому не нужный, зачастую вынужденный заниматься попрошайничеством, чтобы выжить. Такие прецеденты, несомненно, случались и случаются даже в наше время, поэтому так важно определить то, что в категорию маргинальных нищих мы относим не всех поголовно нищенствующий, а в первую очередь так называемое «профессиональное» нищенство: организованные ватаги и артели, одиночных асоциальных представителей, о чем пойдет речь немногим позже. Кроме того, к маргинальной группе нищих можно отнести тех, кто выбрал особый образ жизни нищего осознанно, и при этом своими действиями нарушает общественный порядок, выходит за рамки описанных в прошлой главе норм и морали. Однако, будут описаны и нищие, чье занятие попрошайничеством является следствием невозможности социализироваться, «спастись» из-за не всесильности государства, и в первую очередь равнодушия (полного или частичного) общества и человека.

Первые нищие были известны еще с самых древних времен, а особенно сильно распространению и усилению нищенства поспособствовало появление и последующее широкое распространение христианской религии. Именно с его появлением стала все масштабнее расширяться категория тех, кто просил подаяния «во имя Иисуса Христа». Если вернуться в изучаемый период то, на примере официальных данных статистики Комиссии Министерства внутренних дел Российской империи на 1877 год число лиц в стране, которые занимаются прошением милостыни составляло 293500 человек в 71 губернии (при этом многие ученые и исследователи характеризуют данные цифры министерства как достаточно заниженные); что же касается первой переписи, которая состоялась в 1897 году, то она показала, что в Российской империи в целом более 362000 нищих, богомольцев, бродяг и странников, кроме того, 316000 тех, кто был в затруднении указать свой род занятий или не имел постоянного [3, с. 18-19].

Следует отметить, что к чести белорусов во второй половины XIX – начала XX века, нищенство не являлось в Беларуси чем-то, вроде промысла,

«профессиональной» деятельностью, как это было во многих других регионах империи. Евдоким Романов отмечает, что среди всех нищих, с которыми ученый столкнулся во время проведения своих исследований, лишь малая часть из исследуемых оказалась здоровыми людьми, которые были способны к реальному физическому и умственному труду, но все равно избравших путь попрошайничества и нищенства по разным причинам [69, с. 118].

Однако, нельзя сказать, что на территории Беларуси не было нищенского «промысла», все же имелись такие прецеденты, когда человек обладая собственным хозяйством, зачастую даже хозяйством крупнее, чем рядовой белорусский крестьянин или горожанин, при этом в определенное время года уходил попрошайничать, бродяжничать и нищенствовать в столицы, крупные города и местечки империи, имея при этом часто большой материальный прибыток. Таким примером являются нищие Себежского уезда Витебской губернии, Езерийской, Соинской и Шумихинской волости; по свидетельству губернатора, где большинство нищенствующих, в общей сложности которых было приблизительно 130 человек, были именно такими обеспеченными, с собственными наделами «сезонными» нищими [53, с. 60]. В данном регионе такие «профессиональные» нищие, в соответствии с рапортом витебскому губернатору, существовали уже не менее 20 лет [53, с. 3].

Таким образом, среди категории маргинальных белорусских нищих можно отдельно отметить такую характерную особенность, как «сезонное» нищенство. В большинстве своем такое занятие является особой отличительной чертой тех нуждающихся, которые ими на самом деле лишь «притворяются» для обеспечения для себя легкого материального прибытка, не связанного с честным трудом. Естественно, что наибольшую активность такие «профессиональные» нищие проявляли чаще зимой и также ранней весной, что можно объяснить тем фактом, что в остальное время года они занимаются своим хозяйством и ведут обыкновенный сельский образ жизни, связанный с сельскохозяйственными работами: занимаются посевом, уборкой урожая и тому подобное. Кроме того, активизировались нищенствующие и во время крупных празднований или событий как государственного, так и регионального масштаба, нищие буквально «стекались» на места проведения крупных, в первую очередь, церковных праздников и открытых массовых богослужений по случаю оных. В разных регионах империи во время празднования знаменательных дат для православной церкви могло присутствовать более 50-60 разных нищих, как, к примеру, это было во время традиционного храмового праздника Евфросиньевского монастыря в городе Полоцке [53, с. 16]. Похожую картину можно было наблюдать и в урочище «Боровка», где несколько раз в году верующие совершали паломничества к местной чудотворной иконе; количество одновременно присутствующих в урочище крестьян на многочисленных

богослужениях могло достигать и 5000 человек, чем с охотой пользовались «профессиональные» нищие в поисках легких денег.

В большинства своем, если говорить о территориальной мобильности категории нищих, то бродяжничество и далекие перемещения были представлены достаточно редко, чаще все ограничивалось близлежащими населенными пунктами с местом проживания нищего.

Если говорить о крупных общественных событиях, где непременно можно было застать множество нищих, то они были частыми гостями разного рода ярмарок и кирмашей. Как и в случае крупных празднований и гуляний, из-за большого скопления людей шансы на получения большего, чем обычно, подаяния значительно увеличивались. Из белорусских кирмашей особой славой пользовались Польшовицкий и Белинский – в Могилевском уезде, Любавицкий и Кутенский – в Оршанском, Барколабовский – в Быховском, Скитовский – в Гомельском, Хвошчанский – в Гродненском и Пустынский – в Мстиславском. Кроме того, некоторые белорусские нищие добирались и до крупного Киевского кирмаша. Многих можно было встретить в Минской и Смоленской губерниях, а также в монастырях Черниговщины и Орловщины, также особой популярностью среди нищих пользовались Белые-Берега [69, с. 122].

Наряду с немалым количеством «профессиональных» нищих, большинство чаще всего страдали физическими или умственными недугами, не позволяющими людям заниматься честным трудом, у большинства нищенствующих по нужде отмечалась слепота, зачастую как следствие тяжелого и непосильного труда, возможно также не привития от оспы и других болезней и так далее. Нередко заниматься попрошайничеством были вынуждены осиротевшие дети, а также так называемые погорельцы (те, чье имущество сгорело во время пожара). Интересен тот факт, что несмотря на то, что нищими в большинстве своем были представители из класса крестьянства, встречаются и мелкие обедневшие обезземеленные чиновники и шляхтичи, некоторые из представителей духовного сана [49].

Что же касается нравственного облика белорусского нищего человека, то зачастую отмечается присущие ему жадность, озлобленность, строптивость, наглость и пьянство за счет подаяний, разврат, а также воровство, которые, как отмечает Евдоким Романов, скорее всего были вызваны всевозможными лишениям и трудностью их своеобразного образа жизни. Как пример того разврата, до которого иногда доходили нищие, не редкостью были и такие события, как неофициальное многоженство. А в № 75 «Витебских губернских ведомостей» 1890 года было опубликовано сообщение о «сожительстве» нищего со своей тринадцатилетней падчерицей [69, с. 125].

Говоря о нищих как о категории маргиналов, нельзя сказать, что категория эта полностью однородна и не имеет структур. Внутри данной категории можно

выделить множество подкатегорий, типов, которые часто имеют между собой реальные колоссальные отличия не только во внешности, но и в мотивации к нищенству, поведении, особых ритуалах, особенности языка и множества других факторах.

Одной из самых скромных снаружи, при этом отличающейся и особенной подкатегорией нищих можно выделить старообрядческих нищих. Данным нищим были характерны сдержанность и немногословность, особые сумки для сбора подаяний старообрядцы носили под своей одеждой, поэтому необходимо было хорошо знать особенности народной жизни того времени, чтобы заметить в «молчаливом снятии ими шапки просьбу о подаянии» [69, с. 117]. Приходя к кому-то в дом за подаяниями старообрядческие нищие были, как и всегда немногословны, использовали чаще всего лишь пару молитв, которыми и просили подаяний, а держались на людях такие нищие в основном поодиночке, редко можно было встретить попрошайничающих вдвоем.

Прямо противоположной предыдущей группой нищих являлись, как их называет Евдоким Романов – «грязные оборванцы» [69, с. 119]. В отличие от относительно «аккуратных» и чистых старообрядцев, под этим понятием автор подразумевал людей, которые по тем или иным причинам в свое время были выбиты из колеи общественной жизни: чаще всего это были бывшие дворовые, бобыли, а также отставные солдаты. Главной отличительной особенностью данного типа нищих является, в первую очередь, нравственная, моральная испорченность. Они занимаются попрошайничеством не вследствие недугов, а из-за нежелания работать и вливаться в общество, нравственного разложения чаще всего от пьянства и других пороков. Местом их «обитания» чаще всего являлись города, в сельской местности они появлялись сравнительно редко, в редких исключениях, во время праздников или на ярмарках.

Довольно часто встречающимся типом нищих, которые не относят к категории «профессиональных» нищих, являлись юродивые. Юродивые, как правило, круглый год ходили босиком, зачастую в длинной, не по размеру сорочке. Особенностью данных нищих является то, что они пользовались большим уважением в глазах народа, чем любые другие категории нищих, возможно, именно из-за того, что в силу психических особенностей они были не способны к труду, однако, при этом сохраняли настоящее, не наигранное бескорыстие. В народе юродивых также называли «божьими людьми». Особенностью восприятия юродивых белорусами является особое отношение к посещению ими их домов, что часто считалось в народе особой милостью Бога, зачастую белорусы всячески старались помочь и пригреть юродивого, уступая теплый уголь на печах, меняя и стирая их белье и тому подобное.

Своеобразным является тип нищих-католиков в Сенинском и Могилевском уездах. Такие нищие жили зачастую отчужденно, при костельных

богадельнях, подаяния собирали не далее, чем в пределах территории костела, лишь изредка ходя по домам местных жителей, при этом громко распевая религиозные христианские песни чаще всего на польском языке. Отличительна была и одежда нищих-католиков. Чаще всего им сопутствовали темные цвета, а также они не использовали сумок для милостыни. Евдоким Романов отмечает, что «бывшие еще недавно фанатиками, эти нищие в последнее время встречаются у дверей церквей, где просят милостыню наравне с православными; заходят и в дома православных, и даже священников» [69, с. 119].

В южной и восточной части Беларуси самой распространенной подкатегорией нищих была довольно многочисленная подкатегория нищих-певцов. Что касается внешнего облика, то такие нищенствующие одевались в большинстве своем в белые рубахи, носили лапти с вплетенными в них белыми лентами, на голове, как правило, носились белые войлочные шапки (магерки). Как и многие другие, нищие-певцы имели специальные торбы для подаяний и личных вещей. Своеобразной отличительной чертой внешнего вида таких нищих также является использование такого элемента в образе, как грушевый или ореховый кий – именно такой образ нищих являлся наиболее типичным среди белорусских старцев и наиболее приближенным к тому, что встречается в народных поверьях, если дело касается народной мифологии и демонологии. Кий – не случайный атрибут старцев, потому что почти все представители данной подкатегории – слепы. В повседневной жизни нищие слепцы-старцы, те, кто мог себе это позволить, пользовались помощью мальчиков-поводырей, которым, как правило было 8-15 лет. Иногда, в целях экономии, несколько старцев-певцов, а иногда и целая группа таковых, могли нанимать одного на всех поводыря. Дети нанимались старцами зачастую на продолжительный срок, вплоть до 5 лет. Нищий-певец или их группа не только на этот период должны были содержать и кормить, одевать ребенка-поводыря, но также платить его родным компенсацию за оторванные от сельскохозяйственных работ и работ по дому руки. Сумма, уплачиваемая за поводырей, составляла в среднем от 3 до 8 рублей в год, в зависимости от возраста и умений поводыря [78, с. 18]. Старцы-певцы тем не менее не придавали особого значения тому, насколько качественно осуществляется обеспечение и уход за детьми-поводырями, часто не заботясь об необходимой одежде в холодное зимнее время. Кроме того, наказывая поводырей за те или иные проступки старцы-слепцы нередко пускали в ход свои кии. В свою очередь, особо смелые мальчики-поводыри могли оставить нищего-певца посреди дороги и сбежать обратно домой или «подводить их к канаве, ручью, болоту, куда старец неминуемо падает, или неправильно определить высоту ворот, дверей – и старец разбивает голову и тому подобное»; среди поводырей существовала поговорка для таких случаев – «кургец на киец» (кургец – яма или ров) [69, с. 120]. Интересно то, что часть старцев вместе с

попрошайничеством, могла иметь собственные наделы, а дети им были нужны в большей степени для сбора подаяния, для обеспечения корма домашнему скоту и для других хозяйственных нужд.

Стоит отметить, наряду с отдельными категориями нищих, выделяемых на основании внешних признаков или особенностей, разделять данную категорию также можно и по иным признакам. Например, почти любое религиозное учреждение имело так называемых «своих» нищих, о которых оно заботилось: так были патриаршие, монастырские, церковные, кладбищенские, соборные, дворцовые, дворовые, богаделенные, цеховые нищие. Чаще всего именно при православных церквях находились так называемые «избушки», богадельни, в которых находили пристанище, ночлег нищие. Жизнь в таких местах сопровождалась многими лишениями, бесконечными ссорами, обязанностью подчинения местному причту; а частое расположение нищих обоих полов в одних помещениях часто способствовало распространению разврата. Поэтому в большинстве своем в богадельнях проводили время совершенно отчаявшиеся нищие или же начинающие нищенский промысел, которые пользовались богадельнями для изучения песен, молитв и псалмов. В этом направлении особую славу имела Чаусская богадельня, дающая своим обитателям не только лишь знания религиозных песен, но и основ церковных служб-молебнов, панихид и прочего [69, с. 120].

Для обучения искусству песнопения, исполнения псалмов нищие прибегали к помощи не только богаделен, существовал целый ряд своеобразных школ, которые организовывали так называемые «майстры» – часто слепцы, но отличительной чертой их являлась опытность и превосходные вокальные данные, знание текстов молитв, псалмов и песен. Данные школы создавались дабы поделиться своими умениями, естественно, в большей степени в корыстных целях. Курс обучения у таких преподавателей составлял как правило год, не более двух. В основном, в данных школах тренировали, разрабатывали и ставили голос, лишь изредка изучался смысл исполняемых текстов, так как часто и сами старцы-учителя не могли объяснить до конца их значение или, например, значение отдельных слов, которые им и не было нужды знать, ведь цель, в первую очередь, была улучшить качество исполнения для сопутствующих увеличений количеств собираемой милостыни. Естественно, что за такую школу приходилось платить: от 1-го до 3-х рублей; вносилась плата всегда наперед, при этом учащийся нищий находился полностью на собственном содержании и бывало выполнял разного рода поручения по дому старца, участвовал и в сельскохозяйственных работах у мастера, если таковые им проводились. По окончании обучения, как правило, «выпускник» одаривал преподавателя всяческими подарками, а также впредь при встрече должен был оказывать ему знаки уважения. Такие школы в Беларуси не были редкостью, на территории

белорусских губерний их насчитывалось немалое количество; данные Евдокима Романова говорят, что лучшие старецкие школы находились в Хотовеже (Климовицкий уезд), в деревне Жеребне (Гомельский уезд), в местечке Городец, Залесье (Рогачевский уезд), в деревне Пневе и в Павловской волости (Могилевский уезд) [69, с. 123].

Существовала также интересная практика уклонения горожанами и крестьянами от приглашения для совершения панихид в дни поминовения, молебнов, благословлений представителей духовенства, ведь за небольшую плату можно было воспользоваться услугами нищих-певцов, которые, особенно те, что добросовестно отучились в вышеперечисленных своеобразных «учебных заведениях», отлично справлялись со своей работой. Именно поэтому в репертуаре нищих наряду с другими, были и «жалобные» стихи, песни, так как, что естественно, на исполнении их можно было хорошо заработать – они были наиболее востребованы, отвечали народным традициям [17, с. 693]. Кроме специального репертуара, многие нищие знали множество произведений народной словесности, народные сказки.

Наряду с нищими-одиночками, старообрядцами и другими, существовали также особенные объединения нищенствующих. Нищие часто объединялись в разных размеров нищенские ватаги, артели или устраивали даже своеобразные «нищенские цехи». В местечке Семежовке Слуцкого уезда Минской губернии (ныне это — агрогородок Семежевка Копыльского района) существовал подобный цех нищих, который имел полноценную организацию и иерархическую структуру. Во главе цеха стоял цехмейстер (или атаман), чаще всего он был из слепых. Чтобы иметь право носить название заправского нищего, необходимо было около шести лет ходить в учениках, при этом внося ежегодную оплату в размере шестидесяти копеек – на так называемую «нищенскую свечу» –, а по окончании хождения в учениках выдержать экзамен на знание нищенских песен-кантов, стихов, а также христианских молитв, кроме того необходимо было отличное знание особого нищенского языка. В состав цеха входили также сотские и десятские, ключник-казначей, которые имели определённые права и власть в ватаге. Выборы цехмейстера и других управляющих в ватаге лиц происходили на собрании ватаги, которую созывал нынешний атаман, кроме того на собраниях решались особо важные дела в жизни данного сообщества, а также и принимались решения о наказаниях провинившихся, например, для исключения из ватаги, взимания штрафа за проступок, «отрезывание торбы» – нищенской сумы. [22, с. 315].

Кроме того, слепцы, калеки и другие нищие зачастую объединялись в артели. Структура артели базировалась на понятии «пая» – то есть, фактически, продуктовым пайке. Это означает, что все «артельщики» делились между собой, как правило, по паям и их количеству, причем тот, кто владел при артели

лошадью и телегой, повозкой или же санями, получал два пая соответственно. Интересен также тот факт, что почти каждая нищенская артель имела в своем составе и знахаря или знахарку, работа которых воспринималось очень важной для артели, вследствие чего они получали также по два пая. Эти люди со сверхъестественными способностями и свойствами, помимо того, что собирали подаяния, занимались также своей первоочередной задачей – лечением своих коллег по артели и колдовскими действиями. Не подлежит сомнению тот факт, что существовала некая солидарность не только между нищими внутри артели и ватаги, но и между разными нищенскими объединениями.

Невозможно не отметить тот факт, что у нищих, а особенно в их объединениях, существовали собственные старецкие, нищенские наречия и языки, филологию которых нищие держали в тайне от простого народа и использовали только между собой, не делаясь его значениями с окружающими. Считается, что такие условные языки на территории Беларуси начали возникать еще в XVII веке, возможно и раньше, особенно данные наречия были развиты на юге белорусских территорий. «Нищенская молодежь изучает его уже неохотно и, по-видимому, обрекла его на забвение, употребляя по преимуществу «отверницкую говорку», т. е. обыкновенный белорусский язык, но с прибавлениями или вставками в слова особых частиц, например, «ку», «ша», «шу» и так далее», данную «отверницкую говорку» впервые описал исследователь-этнограф Майер А. в своей работе «Описание Кричевского графства или бывшего староства Гр. Ал. Потемкина, в ста верстах от Дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губернию» в разделе под названием «О российских жителях» [34]. Романов Е.Р. также поместил в одном из своих трудов словарь языка нищих-«любков», который содержал по меньшей мере тысячу слов, который, как они считали, был придуман еще Соломоном, а с течением времени, подвергаясь значительным серьезным искажениям, совершенно отделился от своего языка-прообраза. Кроме того, Евдоким Романов провел параллель между любецким лементом и катрушницким лемезнем (шаповальским языком), а также наречием нищих-старцев Слуцкого уезда. Несколько слов белорусских старцев были также помещены в Материалах для сравнительного словаря (Микуцкий С.) [38] и затем был составлен самостоятельный масштабный словарь, разработанный Сцепурой Ф., представленный в Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук под заглавием: «Русско-нищенский словарь» [76].

Что касается отношения общества к нищим: люди чаще всего старались поддерживать нищих, сочувствуя им, делая это в виде подаяний. В сельской местности часто подаяние осуществлялось в виде натурального продукта, реже путем денежных средств, в городской же среде все ровно наоборот. Если речь о натуральном подаянии, то это могла быть пенька, холст, горох, лен, яйца, фасоль,

также уже готовые продукты собственного изготовления: блины, хлеб, мясные блюда, картофель и другое [73, с. 31].

Государство, полугосударственные организации, частные учреждения и церкви не оставляли вопрос бедности и положения нищих без внимания, однако во второй половине XIX века они все оказались не готовы к масштабной маргинализации сельского и городского населения, связанным с крупными социальными изменениями, которые были связаны с модернизацией в Российской империи, которая, как уже было замечено ранее, имела и «обратную сторону медали».

За «профессиональными» нищими тем не менее старались пристально наблюдать, по крайней мере государственные службы. Например, стоит упомянуть про обращение губернаторов к полицмейстерам и уездным исправникам с требованием предоставления сведений о степени развитости «профессионального» нищенства, предложений по разработке, ужесточению мер, применяемых к нищим, о зависимости распространения бедности от отсутствия достаточного количества мест для пребывания уже существующих нищих; также сведения о количественном составе нищих, об опасности от них исходящей для населения. К примеру, по свидетельствам всех рапортов, представленных губернатору Витебской губернии в 1898 году, на территории губернии «профессиональное» нищенство якобы отсутствовало, однако отмечалось, что нищие были и в немалых количествах [53, с. 60], за исключением города Городка, где, как утверждает городничий, нищих никогда и не было [56, с. 3]. Интересно также то, что особое внимание уделялась рассмотрению вопроса о том, какое влияние оказывают те люди, которые недавно были освобождены из мест лишения свободы на формирование категории нищих, на что Витебским чиновниками был дан однозначный ответ местных управляющих: возвращаясь из тюрьмы, бывавшие заключенные вели честную жизнь, возвращались к своим семьям [53, с. 43].

Главным же способом борьбы с несомненно существовавшей проблемой бродяжничества и нищенства власти видели в расширении количества богаделен и работных домов, других учреждений, которые бы поддерживали, а главное вели контроль над нищими. Каких-либо административных мер, которые были бы официально закреплены в законодательстве, конкретно к нищим не применялось, любые задержания и другие процедуры велись над нищими только в рамках общего для всего населения закона.

Однако, можно встретить среди рассекреченных некогда документов из Национального исторического архива Беларуси указ. 4 августа 1852 года был дан указ Сената о мерах по недопущению нищих в столицы, который был адресован в том числе и в Витебское и Смоленское генерал-губернаторство. Указ требовал: «престарелым и увечным крестьянам, а также женам и вдовам их, без взрослых

сыновей не выдавать билетов для следования в Столицы, равномерно не выдавать таковых и малолетним крестьянским детям. Слепым и калекам из податного сословия вообще воспретить выдачу билетов для следования в столицы. Воспретить выдачу билетов тем солдатским и рекрутским женам, кои по слабости здоровья или увечью не могут работать, или же будут уличены в нищенстве, бродяжничестве и развратном поведении. Поручить как Губернским Попечительным о тюрьмах Комитетам, так и Уездным Отделениям оных производить разбор и иметь попечение о тех нищих, кои будут забираемы местными Городскими и Земскими полициям, соображаясь в этих случаях по возможности с правилами, изданными в 1837 году для руководства Комитета о разборе нищих» [50, с. 237].

В соответствии с рапортами Витебскому губернатору, больше от «нашествий» нищих страдали города, нежели населенные пункты сельской местности. Сельское население сталкивалось с куда меньшим наплывом нищенствующих в год – в разных уездах число неодинаково, однако, в среднем это не более ста человек. Кроме того, губернатор просил о высказывании предложений, касающихся проблемы нищенства в губернии; губернатору в ответ поступали предложения от местных властей о том, чтобы принудительно задерживать нищих и насильственно отправлять их в работные дома, особо опасных и асоциальных – отправлять в рабочие колонии на срок до шести месяцев [53, с. 25-26], высылать не местных нищих к себе в регионы, а также запрещать выезд нищих за пределы их мест проживания, к которому их припишут. Кроме того, так как отсутствовало само определение понятия «нищий», поступали предложения об введении в законодательство самого определения категориям «нищий» и «бедняк», а далее, соответственно, прописать различным их действиям и проступкам четкие взыскания и наказания; особо отмечался необходимый пункт по проведении работы среди духовенства, дабы те донесли верующим, что подаяния для нищих – «медвежья услуга» – не принесет им спасения и благоволения Бога, а лишь позволяет снова не работать и проживать за счет средств других людей, и даже запретить также личную благотворительность в виде всяческих пожертвований значительных денежных средств в пользу нищенствующих [53, с. 43]. Однако, так как учет нищенствующих в империи, в отличие от проституток, не велся, все предложенные меры в основном так и остались лишь нереализованными предложениями [53, с. 14].

Когда действия нищих выходили за рамки разумного, и они начинали приносить вред окружающим, нередкими были обращения в полицию, в крайних случаях – к чиновникам. К примеру, обращение Полоцкого уездного стряпчего к Витебскому губернатору: «По городу Полоцку заметил я, что октября немало было нищих обоего пола, три раза Полоцкому полицмейстеру и городской

полиции я писал о прекращении бродяжничества нищих, с тем чтобы к пресечению сего с хозяев задачи пристанища взыскивался штраф, но со стороны полиции не видно, чтобы приняты были решительные меры, о том Вашему Превосходительству честь имею рапортовать» [51, с. 1]. На что губернатор ответил и после велел полицмейстеру города Полоцка средствами местной земской полиции найти людей для обеспечения создания дома призрения, куда бы были направлены все нищие Полоцка и установить над ними строгий полицейский надзор, чтобы не было тех, что праздно шатаются на улицах города.

Стоит отметить, что несмотря на свой объективно достаточно низкий социальный статус в белорусском обществе жизнь нищего, как и любого человека, тем не менее была под охраной государства. В качестве примера можно привести «Дело по обвинению крестьянина Резцова Ф.Т. в оставлении на дороге больного нищего при сопровождении его в становую квартиру» 1865 года. Крестьянину Резцову Ф.Т. было поручено завести бездомного нищего, которого обнаружили в д. Нестановичи Бобруйского уезда. Нищий от старости и истощенности не мог самостоятельно передвигаться, перевезти его поручено было на становую квартиру, ближайшую, располагавшуюся в соседней деревне. Однако крестьянин ослушался указания и по пути оставил старика посреди дороги и уехал. Вскоре нищий скорее всего от переохлаждения и изнеможения умер. Интересно, что этой смерти никому неизвестного нищего посвящено целое многостраничное дело, которое позже разбиралось в суде, был осуществлен допрос всех очевидцев, в том числе старосты, местного писаря и других каким-либо образом причастных к делу лиц. Посредством свидетельских показаний удалось установить, что крестьянин Резцов Ф.Т. действительно бросил у дороги нищего в холодную и дождливую погоду, отчего нищий впоследствии и скончался. В связи с этим, несмотря на то, что приговор не слишком серьезен, но все же суд постановил лишить крестьянина Резцова Ф.Т. свободы на 4 месяца и заключить его в тюрьму. На примере этого случая можно увидеть, что жизнь даже нищих людей в государстве в изучаемый период имела ценность, люди не оставались абсолютно за законом и охраны государством их жизни. [43]

Следует сказать, что общее число государственных, общественных и частных учреждений, которые оказывали помощь или осуществляли попечительство и опеку над нищенствующими на территории пяти белорусских губерний после отмены крепостного права в Российской империи составляло всего 21 общество и 58 заведений, абсолютное большинство из которых – около 60 % – находились под непосредственным кураторством Министерства внутренних дел и Ведомства православного исповедания – около 27 % [28, с. 270]. Незначительной частью ведали Министерство юстиции, Императорское Человеколюбивое общество и Ведомство учреждений императрицы Марии. Также в изучаемый период, хоть и в незначительном количестве существовали

осуществляющие помощь нищим православные братства, а также благотворительные общества, в Беларуси имелось также небольшое количество детских приютов, специальных больниц и богаделен. Интересен тот факт, что помощью нищим занимались не только учреждения, которые относились к католической и православной церквям, нуждающимся оказывали поддержку белорусские еврейские организации, обустроивающие богадельни, дешевые столовые и разнообразные общества [52, 43, 44, 46, 47, 48], а также учреждения, которые представляли протестантскую церковь, как, к примеру, созданное в немецком лютеранском приходе города Витебска в 1907 году благотворительное общество призрения бедных [63]. К системе государственной помощи нищим можно также отнести Приказы общественного призрения, существовавшие в Беларуси еще с конца XVIII века. Государственная поддержка нищенствующих зачастую осуществлялась также в проводимой госучреждениями раздаче денежных средств, получаемых со штрафов, которые выписывала местная полиция [54].

Постепенно количество учреждений помощи нищим и нуждающимся увеличивалось, особенно в последнем десятилетии XIX столетия, когда число таких учреждений выросло буквально в десятки раз, стали появляться, расширяться и ранее мало популярные, а также новые их виды: дешевые столовые, ночлежные дома, дома трудолюбия – или трудовые дома – аналоги рабочих домов. Правда, к сожалению, последних в Беларуси к концу XIX века работало всего четыре. Однако это не мешало им плодотворно работать оказывать помощь нищим по обеспечению их работой и пропитанием, помогали они также и людям, недавно вышедшим из мест лишения свободы; в их задачи также входило предупреждать и пресекать распространение нищенства и бродяжничества. Одним из крупнейших рабочих домов в Беларуси был Витебский дом трудолюбия, который подчинялся Правлению Витебского губернского благотворительного общества, где сотни нищих и бродяг не только из Витебска, но и из ближайших поселений смогли найти себе трудоустройство и помощь, что хорошо прослеживается по отчету о годовой работе данного учреждения [59, с. 103-108]. По свидетельству губернатора, нищенство было фактически искоренено в самом Витебске и с ним продолжалась яростная борьба на территории всей остальной губернии. Так за 1898 год в Витебском доме трудолюбия получили помощь 120 мужчин, 85 женщин и 34 ребенка – всего 239 человек. Содержание их обошлось дому трудолюбия в 10058 р. 78 к., то есть по 42 р. 8 к. каждому [53, с. 25-26].

В Минске с 1904 года основано общество на благотворительных началах, которое занималось подготовкой бедных и нищих девушек из еврейских семей к «правильному домоводству», где учащиеся приобретали необходимые знания

для работы по дому, на кухне, по правилам ухода за бытовыми предметами, одеждой и тому подобное [47].

Частные же общества помощи нищенствующим в основном устраивали разного рода балы, вечера, кроме того, давались спектакли и даже разыгрывались лотереи. Денежные доходы, сборы, все вырученные средства, соответственно, полученные с этих мероприятий шли либо в руки напрямую к нищим, либо перечислялись в пользу благотворительных организаций и учреждений: приютов, богаделен. Не редкостью были и крупные пожертвования отдельных частных лиц, которые несмотря на внешнюю безобидность, некоторые представители власти предлагали запретить из-за того, что такие «подношения» не решают проблему, а только позволяют нищим не работать и жить на чужие средства. Как сообщалось ранее, иногда пожертвования достигали и довольно крупных размеров, как, например, случай с раздачей нищим в 1841 году суммы в 606 р. 85 к. по предложению, несмотря на все предложения со стороны администраций уездов, генерал-губернатора Витебской губернии [58]. Или же, к примеру, пожертвование, произведенное известным витебским купцом Гинзбургом – 50 р. – в пользу нищенствующих, отправленные в Витебскую еврейскую больницу [55].

Белорусские нищие могли получить поддержку не только лишь на территории Беларуси, но и в других регионах империи. Как уже сообщалось ранее, хоть и довольно редко, но нищие в поисках лучшего пристанища зачастую отправлялись не только в близлежащий места, однако добирались и до столицы, а также и на самые задворки страны, где также могли попадать в местные работные дома, богадельни и прочие места. К примеру, Московский Комитет для разбора и презрения просящих милостыни только лишь за 1841 год оказал помощь более 8801 нищему. В годовом отчете данной организации можно прочесть о том, что большинство из них, несомненно, были родом из столицы – Москвы – и находящихся поблизости населенных пунктов, однако, вместе с тем, часть нищенствующих происходили из белорусских губерний. Так, 17 человек были выходцами из Витебской губернии; из Смоленской губернии прибыли в столицу для попрошайничества 460 человек, из Могилевской – 12 человек соответственно, а из Виленской – всего 4 нищих. Направления помощи нуждающимся были совершенно разными, к примеру, одной из самых распространенных была практика организации специальных обеденных столов, суть которых заключалась в бесплатной раздаче порций пищи для нищих; за пять месяцев Комитетом для разбора и презрения просящих милостыни было совершенно бесплатно роздано более 87000 порций. Что касается других действий Комитета, то он занимался также лечением больных, организацией и обустройством работных домов.

Таким образом, одной из самых многочисленных категорий маргинальных групп населения Беларуси, которая представляет собой яркий пример девиантного поведения и социальной девиации во второй половине XIX – начала XX века является категория нищих. К чести белорусов в изучаемый период, занятие именно «профессиональным» нищенством не представлено большинством среди данной группы населения. К «профессиональным» нищим мы можем отнести так называемых «сезонных» нищих, нищие артели и ватаги – то есть организованное нищенство, особых нищих-старообрядцев, а также одиночек нищих-певцов. Несмотря на свое разнообразие, во второй половине XIX – начале XX века мы можем говорить о достаточно обширных, при этом имеющих достаточно длительную историю, особых «субкультурах» нищих.

Большинство нищих занимались попрошайничеством от невозможности – физической или умственной – к труду, который бы обеспечивал их жизнь; к тому же нищими зачастую становились и из-за жизненных обстоятельств, таких как пожары и так далее. Категория нищих – неоднородная категория, в ней можно выделять множество подкатегорий, типов, определение которых зависит от того, с какой стороны мы будем смотреть на проблему нищенства в Беларуси. Можно изучать девиантное поведение нищих с разных сторон, отталкиваясь и опираясь на их «субкультурное» разделение, от того, к каким учреждениям нищие приписывались, от их вероисповедания, моральных качеств, по численности и по многим другим факторам, но наиболее правильным является анализ по всем вышеперечисленным

Отношение к нищим со стороны общественного мнения было в основном достаточно нейтральным, простой народ сочувствовал большинству нищенствующих. Однако, если и случались конфликты – это являлось свидетельством тех нравственных и моральных качеств, которыми в большинстве своем обладали нищие, особенно те, что довольно долгое время вели подобный образ жизни. Недовольные крестьяне и горожане в крайних случаях могли даже поднимать вопрос о прекращении хождений и попрошайничества особо опасных нищих путем как личного вмешательства, так и привлечения государственного регулирования; нищие, в свою очередь, нередко могли отвечать на такие действия угрозами, покушениями. Чаще всего без особых колебаний люди поддерживали и совершали подаяния юродивым и калекам.

Государство, полугосударственные организации, церковные и некоторые частные учреждения не оставляли вопрос нищенства и положения нищих без внимания, однако все они во второй половине XIX века оказались не достаточно подготовленными к последующей за модернизационными процессами широкой маргинализацией как крестьянского, так и части городского населения – из-за чего значительно расширился состав нищенствующих в белорусских селах и,

особенно, в городах. Однако, необходимо отметить, что, несмотря на свой низкий социальный статус в обществе, жизнь даже нищего человека была под охраной государства и закона. С течением времени, ближе к завершению XIX столетия наблюдается рост заведений, которые были способны предоставить беднякам кров, пропитание и работу.

3.2 Проститутки

Проститутка и ее профессия, которые уже давно являются совершенно обыденным объектом изучения для медиков, моралистов и юристов, лишь недавно привлекли внимание профессиональных историков как зарубежных, так и отечественных, однако, можно отметить тот факт, что даже в соседних странах – России, Польше, Литве – проблема проституции в изучаемый период в наше время разработана куда детальнее и масштабнее, в Беларуси же историей проституции занимается немногочисленное количество исследователей, работы по данной проблематике единичны. Тем не менее, феномен проституции интересен не только сам по себе как пример девиантного поведения, но и потому, что отношение к нему в обществе и государственном управлении Российской империи является барометром сексуальной культуры, власти и характера общественного мнения; со стороны проституции можно взглянуть под совершенно иным углом на такие разные объекты, как городская география, положение женщин в обществе, семейные кодексы и ценности, религиозный облик населения, а также масштаб деятельности и функции полицейских и медицинских учреждений. Тщательное изучение характера и масштабов проституции в данной исторической среде потребует изучения числа и «видов» людей, вовлеченных в нее, мер, принятых для уменьшения ее распространенности, связи этого, казалось бы, мелкого порока с промышленностью, правительством, преступностью, стабильностью семьи, миграцией, этническими особенностями, войной, социальной структурой.

Проституция есть ни что иное как торговля человеческим телом с преследованием развратных целей: следовательно, проститутка есть женщина, отдающаяся за деньги или же иные материальные блага свое собственное тело для удовлетворения полового инстинкта мужчины. Именно такое определение проституции можно встретить в работе «Проституция и сифилис в России» [30, с. 6]. Однако в широком смысле проституция – это фактически оказание сексуальных услуг за плату, и это не зависит от гендера, пола, возраста. Однако в Российской империи второй половины XIX – начала XX века подавляющим большинством проституток были женщины, мужчин и мальчиков, втянутых в проституцию было сравнительно мало, чаще всего если они и были чем-то

связаны с проституцией, то в роли сутенеров и разного рода агентов, о чем речь пойдет немногим позже.

Проституция в континентальной Европе до XIX века отличалась разнообразием и нерегулярностью, что затрудняет всяческие обобщения. Но промышленная революция с сопутствующей ей урбанизацией, ростом социальной мобильности, ослаблением традиционной семьи и скоплением людей с сильно различающимися экономическими возможностями в относительно небольших и компактных городских районах повлияли на историю проституции. По мере роста городского населения росло и количество проституток, их клиентов и, соответственно, венерически больных. Большинство проституток являлись представительницами городских низших классов населения – фабричных женщин, обслуживающего персонала (например, своего рода официанток) и, в частности, девочек-прислуг, крестьянок.

Профессия постоянно пополнялась «новобранцами», в основном за счет женщин из сельской местности, которые переезжали в города зачастую в поисках лучшей жизни, но иногда заканчивая занятием проституцией. В городах такие проститутки размещались в основном возле военных объектов, в лицензированных или незаконных борделях, или независимо от таковых. Торговля телом в конце XIX века в Российской империи была настолько прибыльной, что это превратилось в своего рода индустрию благодаря уникальным предпринимательским навыкам и особой деловой этике сутенеров, «поставщиков», мадам и «агентов по подбору персонала». Когда предложение упало ниже спроса, более агрессивные преступники начинали операции по набору в проститутки, методы которых включали в себя не только заключения контрактов, но и такие методы как запугивание, шантаж и даже похищение женщин и детей и превращение их в по сути дела сексуальных рабов [90, с. 351].

Государство не оставляло без внимания проблему проституции. Особая система по регулированию проституции сформировалась еще в наполеоновской Франции, которая требовала регулярной регистрации и обязательного медицинского осмотра проституток и лицензирования публичных домов, несущих юридическую ответственность за их здоровье и поведение. Такая система были принята в 1843 году, проституция по ней подчинялась только административному регулированию, а не уголовному преследованию, за исключением короткого периода с 1845 по 1866 года (когда, однако, новый закон фактически игнорировался) [88, с. 460]. Этот подход мигрировал по всей континентальной Европе и, таким образом, обеспечил юридическую и институциональную среду, которая наложила особый отпечаток на древнюю профессию в XIX веке, но он потерпел неудачу в своем первоначальном намерении: уменьшить количество венерически больных. К концу века

моралисты называли проституцию одной из главных проблем европейского общества. Однако, следует отметить тот факт, что проститутки, как и другие граждане страны пользовались некой защитой государства. Например, еще в Военном кодексе 1716 года прямо сказано, что проститутки могут быть изнасилованы и, следовательно, нуждаются в равной защите, как и другие женщины [89, с. 214].

Проституция стала широко обсуждаемой проблемой в России лишь в 1860-х годах. Спорадические усилия предпринимались правительством, чтобы обуздать проституцию, начиная с XVIII века. Екатерина II ввела медицинский осмотр проституток. Император Павел заставлял женщин носить желтые платья как знак своей профессии. В 1843 году император Николай I создал систему полицейско-медицинского осмотра регулируемых пороков по образцу других континентальных практик, главным образом для контроля ситуации с венерическими заболеваниями.

Сифилис в России стал огромной всеобщей проблемой, так как стремительно распространялся по всей стране, и считалось, что главным путем распространения данной болезни являлась именно проституция. За период с 1861 по 1867 года количество заболевших этим недугом в губерниях территории Беларуси выросло во многих населенных пунктах практически в два раза: Минская губерния – с 809 количество больных выросло до 1389 человек, Могилевская – с 527 до 998 человек. Всего к 1867 году в России было около 75 тыс. больных сифилисом. [30, с. 30]

Теоретически все проститутки должны были быть зарегистрированы в полиции, им должны были быть выданы «желтые паспорта» и подвергнуты регулярному медицинскому осмотру. Таким образом, до 1843 года полиция мало способствовала контролю проституции, за исключением периодической жестокости и коррупции: после 1843 года правительство, хотя и морально выступало против проституции по религиозным соображениям и юридически враждебно к ней относилось, но вместе с тем стало единственным лицензированным «инспектором» и защитником сексуального трафика в городах империи. Активность императоров по отношению к проституции, как и их взгляды на целомудрие и прелюбодеяние, оставались в этой норме двойственности до конца существования империи.

Официально проституция была запрещена в Российской империи, что подтверждает 155 статья «Устава о предупреждении и пресечении преступлений», которая гласит о запрете «открывать днем и ночью дом свой, или наемный, для непотребства, входить в оный и непотребством своим или непотребством иных снискивать себе пропитание» [80, с. 20]. В таком виде данная статья существовала в российском законе с XVIII века и существенных изменений с течением времени не перетерпела, однако, вследствие необычайно

широкого распространения венерических заболеваний в России в определенный момент было принято решение взять под контроль проблему проституции, для чего в империи был выпущен целый ряд циркуляров, указаний и постановлений регламентирующих деятельность представительниц древнейшей профессии.

Следует отметить, что единого законодательства по отношению к проституции в России до начала XX столетия не существовало. В каждом отдельном городе могли быть приняты свои особые административные правила и нормы, которые лишь в общих чертах должны были соответствовать общеимперским. Как и везде в Европе, местные власти обладали значительной дискреционной властью. Инспекция проводилась исключительно для женщин (и никогда для их клиентов) и в основном для представительниц низших классов. Правила для проституток были необычайно точными и подробными, требующими еженедельной ванны, смены постельного белья после каждого сеанса общения с клиентом, запрета полового акта во время менструации, ограничений на количество и вид используемого макияжа [90, с. 351]. Но поскольку медицинскому персоналу платили не очень много, а зачастую и вовсе недоплачивали, кроме того людей в больших городах было очень трудно контролировать, эффективность системы контроля над проституцией оставалась очень низкой. В публичных домах сообщалось, что проститутки часто осматривались не раздеваясь за считанные минуты, совершенно формально; не связанные с каким-либо борделем, часто вообще не появлялись для осмотров. Были также случаи договоров между местной полицией и сутенерами, владельцами борделей. Первые «Правила для публичных женщин» и «Правила содержания борделей» были утверждены лишь в 1844 году, и предназначены они были первоначально только для Санкт-Петербурга, однако позже были распространены и на другие города Российской империи, а в 1903 году было утверждено новое ««Положение об организации надзора за проституцией в Империи», действие которого уже в свою очередь распространялось на всю территорию Российской империи [10, с. 308].

Данные иных источников немногочисленны, расплывчаты и плохо организованы, и их сборщики, как правило, подчеркивают разные данные и разные цифры – в зависимости от цели сбора материалов. Есть данные по двум основным категориям проституток: проверенные или официальные проститутки, зарегистрированные в борделях, а также проститутки, которые действовали вне борделей. Например, в середине столетия в Санкт-Петербурге число зарегистрированных проституток обеих категорий выросло на 20% с 1853 по 1867 год, в то время как население города выросло только на 6% [90, с. 353]. Утверждается, что три четверти из них были больны.

Особенной уникальностью в данной проблеме выделяется город Минск, в котором действовали разработанные специально для него «Обязательные

постановления Минской городской думы о санитарном надзоре за проституцией», которые были приняты в 1907 году [46]. Уникальность минской ситуации заключается еще и в том, что по сравнению с многими другими городами России, где за проституцией надзирала полиция, в Минске проституцией занималось городское самоуправление, а точнее учрежденный в 1891 году Городской санитарный комитет. «В состав Санитарного комитета входили городской голова (председатель), полицеймейстер, один или два городских врача, а также санитарный врач с помощником. При необходимости в состав Комитета приглашались военные врачи» [10, с. 313]. Полиция не имела отношения в Минске к надзору за проституцией, к ее помощи могли прибегать в крайних случаях при непосредственном обращении к ней со стороны комитета [11, с. 140]. В комитете для фиксации данных о проститутках использовались две особые книги – это книга, предназначенная для проституток публичных домов, другая – для проституток, работающих в одиночку. При внесении данных проститутки записывались не только ее имя и фамилия, возраст, однако и такие сведения как вероисповедание, место рождения, место жительства, занятия до проституции и мотивация к занятию проституцией [45]. На каждую зарегистрированной проститутку заводилось отдельное личное дело. При Городском санитарном комитете также работали два специальных агента, которые должны были заниматься тем, что отслеживать проституток, работавших без регистрации. Один из агентов наблюдал за квартирами таких проституток и гостиницами, другой – за публичными домами [10, с. 312].

Что касается социального состава проституток империи, то следует отметить, что существует три основных категории социального происхождения дореволюционных проституток, по которым существуют официальные данные по Беларуси: горожанки (нижний средний класс), женщины из солдатских семей и крестьянки. К проституции прибегала часто и прислуга, работницы фабрично-заводских предприятий, швеи, нередко это были и сиделки, даже сестры милосердия, гувернантки и учительницы. Как правило, проституции не чурались и девушки, работавшие в питейных заведениях, корчмах – это так называемые буфетчицы, певицы, музыкантши, танцовщицы. Данные за вторую половину XIX – начало XX века – несмотря на незначительные сдвиги – численно ставят эти три группы на первое место по социальному происхождению проституток. Возрастной диапазон проституток, хотя и колебался в среднем в районе 18-22 лет, был чрезвычайно широк – в обоих направлениях – даже в период до полового созревания. В Москве, например, попадались девочки 11, 12 и 13 лет даже среди зарегистрированных проституток [90, с. 360]. Около двух третей белорусских проституток были в возрасте от 17 до 30 лет [68, с. 29]. Как правило, «начало карьеры» было в возрасте от 15 до 18 лет, окончание же приходилось на 25-28 лет. Проституцией обычно девушка была способна заниматься успешно не

более 5 лет, всего 19% всех проституток империи в конце XIX столетия составляли женщины со стажем в профессии в более, чем 5 лет [68, с. 36].

Интересен тот факт, что часть проституток, в особенности в поветовых городах, на летний период зачастую покидали города и уезжали в деревни на полевые сезонные ежедневные работы [44].

Существуют разные причины, которые приводятся в качестве поводов к занятию проституцией. Юристы и историки предложили широкий спектр противоречивых объяснений мотивации проституток во всех обществах: чаще всего это бедность, рациональный экономический выбор, порабощение, мошенничество и так далее. На этот вопрос нельзя ответить однозначно, но мы знаем некоторые вещи об экономической среде и моделях мобильности периода, особенно после ускорения индустриализации в 1880-х годах, и существует несколько объяснений, данных даже самими проститутками.

Большинство источников указывают, что многие проститутки были недавними крестьянскими иммигрантами в город. Некоторые – в таких местах, как Нижний Новгород с его знаменитой ярмаркой – регулярно приезжали в город, чтобы поторговать своим телом, а затем возвращались в деревню. Для тех крестьянских женщин, которые приходили на работу в города, а затем становились проститутками, эта схема кажется довольно стандартной: поиск возможностей, прибытие на крупный столичный железнодорожный вокзал, вербовка агентом борделя под ложным предлогом или соблазнением и убежденность в том, что работа в «сфере любви» будет лишь вопросом времени. Новоиспеченным проституткам предлагали жилье и работу, оказывали на первых порах финансовую помощь и постепенно втягивали в долги или же иные обязательства, после чего, путем шантажа, угроз и насилия сутенеры закрепляли успех, и женщина была надолго погрязшей в жизни проститутки. Поэтому девушка, раз попавшая в такую кабалу, становилась настоящей рабыней своих хозяев.

Медицинские работники, которые осматривали проституток и разговаривали с ними, имели тенденцию видеть их истории занятия проституцией почти исключительно с точки зрения экономической нужды. Арифметика российской заработной платы была такова, что слуги и работницы женского пола могли зарабатывать 5-20 рублей в месяц, в то время как даже самая дешевая проститутка могла получать 40, а особо привлекательные до 500 рублей [90, с. 350]. Поэтому проституция часто использовалась как источник дополнительного существенного заработка.

Экономическая составляющая, естественно, является ключевой в мотивации к занятию проституцией. В выборке Обозненко, состоящей из нескольких тысяч петербургских проституток, более 1700 человек назвали причины, указывающие на экономические потребности (бедность, безработица,

больные близкие) в занятии проституцией. Еще 1670 – указывают на свободу воли: лень, желание, пример других, «легкомысленность», пьянство и «веселая жизнь». Выборка Федорова 1900 года еще более показательна: 21% в проституции ради удовольствия; 17,5% из-за трудностей с трудоустройством; 14% из-за потери работы; 6,5% устали от обычной работы; 5% из-за алкоголизма [90, с. 360]. Были случаи, когда проституция становилась даже семейным бизнесом. Мать-проститутка могла затянуть и дочерей в свое ремесло, или старшие сестры – младших. Например, в списках гродненских проституток постоянно появляются небольшие группы из двух или трех женщин с одинаковыми фамилиями, которые также жили на одной улице и в одном доме [4, с. 350].

Мотивации, по-видимому, представляли собой сложную смесь отчаяния от бедности, но и рационального экономического выбора, чувства безнадежности и дух мятежа против упорядоченного общества и его путей движения и несправедливостей.

Что касается статистики, то число борделей росло с 150 в столице империи в 1860-х годах до около 500 в десятилетие до революции; большинство были маленькими, с 5-6 женщинами в каждом. В Беларуси же по официальным данным на 1889 год в городах занимались проституцией 624 женщины. В белорусских губерниях по данным на тот же год зарегистрировано было 59 публичных домов, в которых работало 326 проституток [10, с. 310]. Дома первого класса, обслуживающие дворян, чиновников и всех, кто мог себе это позволить, часто были богато обустроены и предлагали услуги молодых и привлекательных женщин, причем балтийские блондинки занимали первое место в списке. У высших классов также были особые места назначения (притоны), где они могли встречаться с сексуальными партнерами в полной конфиденциальности. Одно такое учреждение в Санкт-Петербурге платило 6000 рублей в год за аренду и установило зеркальную спальню стоимостью 7000 рублей. После пребывания в домах высокого класса девочки обычно постепенно «дрейфуют» вниз, поскольку возраст и разрушительные действия их профессии снижают их конкурентоспособность до самых низких борделей. Одним из них был московский подвальный дом, где торговля телом велась при ужасающих условиях. Над ним находилась таверна, оборудованная системой предупредительных звонков на случай полицейского рейда. Бордель среднего качества стал вдохновением для сенсационно популярного романа Александра Куприна «Яма» [31]. «Яма» – это не просто вымысел; она основан на достоверных данных, собранных из печатных источников, полицейских документов и личных наблюдений. Повесть пестрит огромным количеством ярких и ужасных образов и высказываний, обличающих всю трудность и прозаичность проблемы проституции в России, например, у автора можно

прочитать такие строки: «В четырнадцать лет ее растили, в шестнадцать она стала патентованной проституткой, с желтым билетом и с венерической болезнью. И вот вся ее жизнь обвешана и отгорожена от вселенной какой-то причудливой, слепой и глухой стеною. Обрати внимание на ее обиходный словарь – тридцать-сорок слов, не более, – совсем как у ребенка или дикаря: есть, пить, спать, мужчина, кровать, хозяйка, рубль, любовник, доктор, больница, белье, городской – вот и все. Ее умственное развитие, ее опыт, ее интересы так и остаются на детском уровне до самой смерти...» [31, с. 70]. Повесть отражала современную документальную литературу того времени. Имидж российского «общественного дома» таков, что он был одним из центров гнойной болезни страны, гнезда преступности и тюрьмы для сексуальных рабов, а не официальным чистым, хорошо контролируемым обществом учреждением, и это все несмотря на то, что для открытия борделя требовалось специальное разрешение полиции, а с 1903 года выдавалось Врачебно-полицейским комитетом. Также требовалось согласие домовладельцев, в доме которых планировалось организовать публичный дом, такие места осматривались специальной комиссией, состоящей из врача, сотрудника полиции и представителя Врачебно-полицейского комитета. Аналогичные правила открытия борделей, введенные в 1903 году, вступили в силу в Минске с момента создания Санитарного комитета в 1891 году [4, с. 382].

У одиночек же было куда меньше клиентов, чем у проституток из борделей, им приходилось проводить дополнительную работу, чтобы найти клиентов. Женщины публичных домов, по крайней мере, имели структурированную работу, им гарантировалась определенная безопасность и стабильность, более или менее постоянные посетители. Одиночками чаще всего становились в результате того, что были «выкинуты» из публичного дома, изредка девушки самостоятельно решались на занятие проституцией в одиночку, скорее они были вынуждены, будучи предоставленными самим себе как-то выживать вдалеке от дома и с «желтой книжкой», зачастую перебиваясь лишь хватающими на «корку хлеба» средствами к существованию, пьянствуют и фактически «теряют свой человеческий образ» [15, с. 150].

До сих пор мы говорили о двух типах зарегистрированных проституток – бордельных и одиночках. Но незарегистрированные женщины, которые продавали свои тела, как говорилось ранее, по численности своей намного превосходили зарегистрированных. В Минске и других городах Беларуси заключались сделки в театрах, клубах, кафе и в нишах ресторанов, в банях, садах. Считается, что зарегистрированная проституция составляла лишь 10-20% в разных регионах от всей проституции [85, с. 876]. По словам следователя Бентовина, три четверти из пятидесяти городских отелей никогда не видели обычного «гостя»: это были «муравейники порока, кишачие тайными

проститутками» [1, с. 130]. Зачастую тайная проституция была представлена в отдельных квартирах, где жила проститутка и, например, хозяйка-сводка, по сути своей это тот же бордель, только не зарегистрированный и насчитывающий пару членов в своем составе. Положение тайных проституток было немногим лучше тех, что были причислены к публичным домам, так как их не сковывал полицейский надзор, а в случае еще и ненасильственного занятия проституцией, отсутствия давления сутенера, девушка имела куда больше шансов при желании вернуться к нормальной жизни.

Что за мужчины покровительствуют проституткам? Данные не позволяют нам делать больше, чем спекулировать, по очевидным причинам: клиенты-мужчины редко попадали под контроль полиции или медицинских властей, поскольку они не были включены в полицейско-медико-нравственную систему, созданную в соответствии с нормативными актами. Однако, все источники сходятся во мнении, что в больших городах – особенно после быстрого роста индустриализации в конце столетия – мужчин стало значительно больше, чем женщин.

Особое беспокойство в российском обществе в начале XX века вызвали два следствия проституции: детская проституция и сексуальное рабство. Книга «Дети улицы. Малолетние проститутки» М.К. Мукалова вызвала сенсацию, когда она появилась в 1906 году, из-за ее откровенных описаний детей-проституток, их клиентов и их половых актов в Санкт-Петербурге, Риге, Киеве и других городах [39]. В репортаже из Лодзи (в русской Польше) рассказывалось о рандеву, где известные производители собирались, чтобы насладиться милостью маленьких девочек, а в другом рассказывалось о петербургской театральной школе для детей, где преподавали «что-то иное», чем театральное искусство.

Известный юрист Гогель С.К. используя в качестве основания попечительские книги за 1910 г. собрал материалы о личной и семейной обстановке малолетних правонарушителей, проанализировав их занятия, образование и причины, повлиявшие на развитие преступных наклонностей, в том числе отразил и проблему проституции среди детей [74, с. 117]. Из 1155 человек около 11% составляли преступницы-девочки. По роду преступлений более 90% и среди девочек, и среди мальчиков составляли кражи, но вместе с тем, около 10% девочек-преступниц занимались проституцией [77, с. 130]. При этом зачастую роль сутенеров на себя применяли также школьного возраста мальчики, карьера которых могла начинаться и с 14-летнего возраста [39, с. 13]. Например, в Таврическом саду столицы полицией была задержана шайка девочек-воровок в возрасте 14-15 лет, носившее название «Гайда» и промышлявшая кражами и развратом. Как выяснилось, девочки подчинялись такого же возраста парням, которые состояли при них сутенёрами и кроме того,

путём всяческих угроз и побоев вымогали деньги [64, с. 23]. Похожий случай произошел и в Минске, где в начале 1895 года были задержаны шесть девочек в возрасте от 11 до 14 лет, которые предлагали свои услуги прохожим за 15 копеек. По словам одной из них, ее собственные друзья присоединились к ремеслу, которые «взяли ее в отель» два года назад. Четыре девочки оказались сиротами, а матери двух других зарабатывали на жизнь проституцией своих собственных дочерей.

Многие источники с 1860-х годов до конца существования империи приводят случаи, когда дети раннего школьного возраста занимались проституцией. В архивах Российского общества защиты женщин содержится много историй болезни таких маленьких девочек, как Надежда З., которая начала свою карьеру проституткой в возрасте двенадцати лет, совершая «неестественные» действия в отношении сутенера или девятилетнего М. который уже был двухлетним «ветераном» табака, вина и проституции с мужчинами. Очень высоко на рынке сексуальных услуг ценилась невинность, а развитие гинекологии в то время уже позволяло восстанавливать девичью плеву, хоть и совершенно варварски, прибегая к пришиванию элементов животного происхождения с специальной капсулой с кровью или краской. Таким образом жадные сутенеры по несколько раз могли продавать невинность одного и того же ребенка. «40% самоубийств девочек и девушек составляли сексуальные причины. В их числе есть много «соблазненных» (из них некоторым не более 13 лет), есть молодые проститутки, которым их жизнь показалась невыносимой» [74, с. 120].

Еще одной проблемой и очередным проявлением девиантности проституток являлись их отношения с собственными детьми. Следует отметить, что проституткам официально нельзя было жить со своими детьми в публичных домах. Кроме того, постепенно увеличивалось количество незаконных аборт, причем зачастую путем народных средств. Однако рост количества аборт все равно смотрится незначительным по сравнению с данными, которые представляет Воронич Т.В.: в Гродненской области число внебрачных детей, рожденных в том числе и от проституток, составляло 8-11% от всего количество рожденных в области детей [4, с. 357]. В большинстве случаев проститутки не способны были содержать еще и маленьких детей, поэтому чаще всего они оставляли их в приютах, около людных мест и государственных учреждений, домов. И в худшем случае могло дойти и до убийства собственных детей. По официальным данным, именно детоубийство являет собой большинство насильственных смертей в городе Гродно того времени [81, с. 13].

Те масштабные изменения, которые переживала Российская империя во второй половине XIX – начале XX века вели к отклонениям в процессах социализации и адаптации детей, к массовой детской беспризорности,

заброшенности, не позволяли многим обедневшим семьям обеспечивать своих детей, которые вынуждены были или были принуждены заниматься аморальными вещами, будь то описанные мальчики-попрошайки и поводыри из предыдущей подглавы или же в данном случае малолетние проститутки. Такая ситуация, естественно, влияла на серьезное ослабление либо и вовсе отсутствие нормативных стандартов поведения, убеждений и понятий нормы и морали у подрастающих детей, есть сведения о том, что девочки-проститутки могли предложить «до 16 способов блаженства – за исключением естественного», даже будучи девственницами, однако испорченные настолько, что могли соглашаться на такие прихоти клиентов, на которые взрослые проститутки никогда не согласились бы [4, с. 380]. Недаром одним из самых страшных проклятий у китайского народа является проклятие – чтоб ты жил в эпоху перемен – на примере Российской империи тех лет явно видно, как иногда плачевно могут сказываться резкие, совершенно новые качественные изменения в стране, которые имели не только положительные моменты, смотря в глубь можно увидеть и последовавшую за модернизацией маргинализацию, люмпенизацию и многие другие сопутствующие явления перемен в обществе и государстве.

Проститутка могла вернуться к нормальной жизни, это даже было прописано в законе, в правилах МВД от 28 июля 1861 года, где говорилось, что «женщина, находящаяся в публичном доме, если пожелает обратиться к честной жизни, может, не заплатив долга хозяйке, оставить публичный дом, но не иначе, как доказав свое желание исправиться пробыв положенное время в общине сестер милосердия или в другом подобном учреждении» [15, с. 100]. Но на деле покинуть ряды зарегистрированных проституток было далеко не просто, во-первых, за ними был установлен надзор полиции и медиков, документы же (паспорта) не выдавались, лишь «желтые книжки», то есть простые книжки с пометками о посещении врача. С такими документами, выставяющими на показ ее позорное ремесло, девушка зачастую даже при желании, например, возвратиться к себе на родину, в случае если она переехала из деревни в город, просто стыдилась этого. Таким образом самым действенным способом было обращение в приюты или отделения сестер милосердия, как, к примеру, дом св. Марии Магдалены в Москве. Есть также случаи, показывающие, что публичные дома можно покинуть, если найдется человек, который возьмет поручительство за проститутку, будет гарантировать, что она сможет жить на его средства. Третий способ заключается в том, что родители проститутки могут обратиться за освобождением девушки из «лап» борделя, требуя вернуть ее под родительский кров. Однако, несмотря на то, что способы покинуть профессию были, воспользоваться ими могло ограниченное количество женщин, учитывая зачастую малую вместимость домов милосердия, а другие описанные способы, естественно, – такие возможности выпадали крайне редко: часто девушек

перепродавали, перевозили в другие города, и ни родителей, ни каких-либо родственников, и тем более новых реальных знакомств с людьми, способными и, главное, желающими помочь фактически невозможно было завести. Зачастую именно стыд перед родителями и родственниками сдерживал девушек от попыток прийти к лучшей жизни: им зачастую угрожали распространением сведений о их позорном промысле на их родине, поэтому многие их проституток мирились со своим положением.

Таким образом, еще одной крупной проблемой Российской империи, которая не минула и территории Беларуси, стала нелегальная торговля женщинами. Широко была развита торговля не только в пределах империи, однако масштабны были поставки на рынки и целого ряда европейских стран. Интенсивность торговли людьми доходила до таких невероятных масштабов: публичные дома зачастую старались обновлять свои составы проституток несколько раз в месяц. Проститутки, покинувшие одно место работы могли быть проданы как внутри империи, так, как и отмечалось ранее, за ее пределы. Во второй половине XIX века в Минске и Витебске состав проституток в борделях за год мог изменяться более чем на 80%. Таким образом, процветала не только легальная проституция, но и по сути настоящее сексуальное рабство.

В работе «Проституция как общественный недуг и меры к его врачеванию» автор также акцентирует внимание на том, что именно в западных губерниях Российской империи зачастую творился полный беспредел, касающийся торговли женщинами. Он описывает ситуации, когда несколько агентов следили за определенной девушкой и в определенный момент похищали ее, продавая в ближайший бордель, зачастую в города по соседству, откуда ее в свою очередь могли переправлять на задворки империи, где ни помощи, ни тем более возможностей вернуться и спастись у жертвы не было [15, с. 37]. Публичные дома Белостока, в частности, пользовались репутацией лучших притонов для сокрытия подобного рода преступлений.

Торговлю осуществляли зачастую специальные агенты, которые занимались поставками в публичные дома. Самыми ценными проститутками были те, у кого на руках были их документы, которые не стояли на учете в полиции, значит официально проституцией ранее не занимавшиеся, а значит рассматриваемые как «свежий товар». Кроме рассмотренного ранее способа вербовки новых проституток путем вовлечения молодых девушек непосредственным контактом с агентами на вокзалах и т.д., существовал и способ, который и в современном мире является важной проблемой, однако реализуемый уже с помощью современных средств коммуникации: соцсетей и подобных им. Речь об объявлениях в газетах о выгодных рабочих местах, в том числе и за границей. Это могли быть разного рода якобы канторы по найму служанок, театральные и музыкальные агентства, отельные вакансии, которые

активно и масштабно занимались торговлей людьми. Криминальные дела по такого рода преступлениям заводились исключительно редко, и наказания за них совершенно не соответствует по современным меркам совершенному преступлению. За такого рода деятельность сутенеров наказывали лишением свободы на месяц или же штрафом всего в 100 рублей [79]. А заводились дела редко по той причине, что у торговлей женщинами фактически отсутствовали свидетели, кроме самих продаваемых женщин.

Реакция российского дореволюционного общества, в том числе и белорусского, была неоднозначной. Несмотря на большое разнообразие решений, предложенных для этой проблемы, они имели тенденцию делиться на три основные группы на территории Российской империи: официальную, феминистскую и позицию интеллигенции. Правительство рассматривало проституцию как административную проблему, которая наносит ущерб общественному здравоохранению, военной эффективности и порядку. Зарождающиеся движения, те, что сейчас можно назвать феминистскими, были обеспокоены первыми очевидными жертвами проституции: женщинами и детьми. Интеллигенция имела тенденцию рассматривать проституцию так, как рассматривают любую конкретную социальную болезнь, как простой симптом или ответвление от «социальной нормы» и, следовательно, к ней следует подходить с «общечеловеческой» (всечеловеческой) точки зрения. Писатели-медики не обладали особой точкой зрения, но имели тенденцию разделять мнение большинства среди интеллигенции.

Сведения о проституции появлялись на протяжении всего периода с 1850-х годов до войны 1914 года, но общественность обращала на эту проблему внимание наиболее явно в два периода: в 1860-х годах в период общего разочарования глубокими проблемами России и ее «социальными болячками», последовавшим за этим Крымским поражением, освобождением крепостных и оживлением радикальной мысли; и в годы быстрой индустриализации, с 1890 до 1914 года.

Положение вещей сделало проституцию открытой общественной проблемой в 1860-х гг.: был улучшен сбор данных, воцарилась более свободная атмосфера для журналистских дискуссий и на горизонте маячило появление «женского вопроса». В 1859 году радикальный критик Николай Добролюбов писал, что путь к развращению может быть заблокирован только путем улучшения образования женщин и прекращения семейной тирании. В том же благочестивом ключе, консервативный журнал «Время» предложил гражданское обучение «истинной человеческой ценности» женского пола. [90, с. 350]

Зачастую на стороне проституции, как ни странно, выступало военное городское сообщество, которое часто считало, что бордели крайне необходимы для поддержания физического здоровья солдат. В начале XX века в Гродно были

закрыты почти все бордели, в связи с чем начальник местного гарнизона ходатайствовал об открытии публичных домов, а гродненский губернатор и вовсе говорил о том, что закрытие борделей создает ненормальные условия для существования гарнизона.

Однако городское сообщество чаще всего четко негативно относились к публичным домам и всякого рода борделям. Жители одной улицы могли собираться и устраивать целые компании для предотвращения открытия борделей на их территории или закрытия уже существующих, чаще всего делая это путем бесчисленных прошений, которые писались не только в местные власти, но доходили иногда и до губернатора и даже выше. Применялся также бойкот заведений и проституток, отказ в сдаче помещений или установление непомерно высоких цен на аренду. В Новогрудке и Витебске местные жители боролись с открывающимися в начале XX столетия публичными домами, причиной этому является деморализующий и развращающий эффект борделей на молодёжь обоего пола. Негативное отношение к соседству с борделями легко объясняется и зачастую аморальным поведением проституток, вульгарным, вызывающим, особенно тех, что блуждали по улицам в поисках клиентов. Из уст таких представителей маргинального слоя населения белорусских городов часто можно было слышать оскорбления и нецензурную лексику; простые горожане могли становиться и невольными свидетелями разного рода непотребств, происходивших прямо на улицах городов, кроме того с ростом количества проституток в населенном пункте неуклонно, как правило, росло и количество краж, буйств, нарушений в ночное время, убийств, особенно непосредственно вблизи этих самых публичных домов. Зачастую наружная сторона борделей и близлежащие к ним территории превращались в импровизированные общественные туалеты для посетителей оного. Священник Новогрудка Л. Кляевский жаловался: «...христианский город не должен спокойно наблюдать, как окрестности нашего кладбища и его ограда оскверняются грязью посетителей этого дома» [4, с. 364]. Широко распространено было и пьянство среди проституток и их клиентов. А самое главное, что свидетелями творившегося безумия становились не только взрослые горожане, но и их дети, для некоторых из которых увиденное и услышанное рядом с борделями может стать ужасным впечатком в психике на всю жизнь. Однако, вместе с тем следует отметить, что как видно, возмущались зачастую не самим фактом проституции, а именно того девиантного поведения и той атмосферы, которой были пропитаны большинство публичных домов, особенно низкосортных.

В конце 1890-х годов проблема проституции как видно привлекла очень широкое внимание общественности, и не только простых горожан. В течение следующих тридцати лет, еще и в советское время, врачи, публицисты, моралисты наводнили страну публикациями на эту тему. Появились сотни книг

и статей, касающихся секса, проституции, соблазнения детей, борделей, извращений и пороков в целом. «Яма» Куприна одна из самых реалистичных повестей, когда-либо посвященных повседневной жизни в борделе, вызвала дополнительный интерес к теме проституции [31]. Большая часть беллетристики – особенно пресловутый «Санин» (1908) Арцыбашева –разжигала общественное любопытство по поводу секса, в то время как научно-популярные сочинения интеллигенции во многих политических убеждениях хором кричали с возмущенной критикой разложения российского общества, особенно его морали. Проституция занимала видное место в этой литературной войне. «Бриллианты, цветы, кружева, доводящие ум до восторга, и на лбу роковые слова «Продается с публичного торга!»» [40, с. 313].

Российские марксисты были одними из последних, кто вступил в дискуссию, и были они среди наименее заинтересованных. Они были склонны поддержать немецкого социал-демократа Августа Бебеля в то, что «брак представляет собой одну сторону сексуальной жизни в буржуазном обществе, а проституция – другую», и что только социализм решит данную проблему. Простейшая версия взглядов среди русских марксистов – заявление В.И. Ленина в 1913 году в статье газеты «Правда» о женском труде: «Пока существует рабство наемного труда, проституция неизбежно будет продолжаться» [89, с. 211]. Бедность и сексуальное неравенство являются основными злодеями, облегчение может прийти только после их уничтожения.

Но и Бебель, и Энгельс высказались против системы полицейско-медицинского осмотра, ликвидацию которой они требовали, поскольку, по словам Бебеля, это способствовало вере в закон и правительство, однако, как показало время, государство не смогло контролировать проституцию в должной мере и остановить распространение венерических болезней. В этом марксисты были согласны с большинством феминисток. Александра Коллонтай, главный лидер так называемого пролетарского женского движения в России, согласилась и в своих замечаниях также воспользовалась возможностью заметить, что даже среди проституток существовала классовая дифференциация.

Существовавшие в России аболиционистки-феминистки высказали свои взгляды по поводу проституции на Первом конгрессе по проституции, организованном Российским обществом защиты женщин в 1910 году. Там правительственные апологеты, представляющие министерство внутренних дел, согласились с тем, что нынешняя система является «пародией на регулирование», но также они были не в состоянии вообразить что-либо, чтобы заменить это. Была даже резолюция, в которой говорилось, что «среди других средств борьбы с проституцией Конгресс признал учение христианства источником силы для тех, кто пошел по пути безнравственности». На противоположном полюсе делегации рабочих связывали проституцию с

капитализмом в традиционной марксистской манере. Воинственная феминистка Анна Калманович заявила официальным представителям, что она поддержит их систему, если они применяют ее к развратникам мужского пола; и сказала социалистам прекратить попытки прыгнуть со вчерашнего дня на завтра, не беспокоясь о сегодняшнем дне. Большинство феминисток на конгрессе поддержали отмену. Анна Милюкова, жена знаменитого историка и государственного деятеля, выдвинула чрезвычайно практичное предложение: сеть бесплатных венерических клиник, которая не была реализована. Самым энергичным аболиционистом был д-р Поликсена Силкин-Хавейн, которая разработала план медицинской кампании против венерических заболеваний в сочетании с демонтажем инспекционного аппарата и закрытием всех публичных домов с тюремными штрафами за нарушение, который так и не был реализован.

Нехватка врачей, ужасная организация и коррупция в полицейско-медицинском аппарате – все это в совокупности обеспечивало поверхностное и недостаточное обследование проституток. Поскольку клиенты не были обследованы, сифилис распространялся в постоянно расширяющихся кругах. А общие злодеяния и коррупция в полиции объясняли неспособность режима остановить рост организованного похищения людей, издевательств над несовершеннолетними и сексуального рабства. Трудно найти лучший пример институционализированного бессилия имперской бюрократии дореволюционных лет.

Оглядываясь назад на проституток в дореволюционной России ясно видно одно: профессию проститутки нельзя постоянно отождествлять с каким-либо конкретным слоем женского населения. До русской революции большинство проституток были, безусловно, урбанизированными крестьянками, слугами, сиротами и брошенными девочками, а также богатым разнообразием типов, которые подпадают под неопределенную рубрику мещанства – городские низшие порядки. Плодами полицейского регулирования были сексуальное рабство и другие ужасы. Легализация проституции лишь позволила ей процветать открыто, в то время как запрет (проституция как правонарушение) поощрял процветание в тени.

Девиантное поведение разрушительно влияло не только на самих проституток, однако и на всех окружающих публичных домов, так как их окрестности становились центрами аморального поведения зачастую пьяных клиентов борделей и их работниц, пагубно влияя не только на взрослых горожан, однако и на их детей. В особенности наибольшему моральному «уничтожению» были подвержены дети, втянутые в проституцию, отпечаток в детской психике оставался на всю жизнь. Кроме того, невероятных размеров достигла торговля женщинами как внутри империи, так и за ее пределы. Проституция – это целая торговая сеть, настоящее рабство в России, в реализации которого были

замешаны тысячи людей, поэтому говорить о девиациях лишь среди проституток не приходится, ведь самыми настоящими представителями девиантного поведения являются агенты, сутенеры, владельцы и пособники сексуального рабства, а девушки-проститутки зачастую являются жертвами обмана, мошенничества, откровенных преступлений и собственной неосторожности, витанием в мире грез и больших амбиций и надежд, возложенных на занятие проституцией.

Таким образом, проблема проституции в Беларуси не была решена. Причиной этому стало несовершенство российского законодательства и менталитета самих граждан, которые несмотря на представленные выше случаи в большинстве своем ничего не предпринимали для борьбы с борделями и проституцией, а зачастую и сами были клиентами оных. Были противоречия в организации борьбы с проституцией как на законодательном, так и на местном уровнях. Меры, принимаемые городскими властями для борьбы с проституцией и борьбы с ней, были направлены на преодоление последствий этого явления, а не на устранение его первоочередных причин.

3.3 Люди со сверхъестественными способностями и свойствами

Кроме уже описанных категорий проституток и нищих, особой категорией представителей девиантного поведения в Беларуси являются люди со сверхъестественными способностями и свойствами. К данной категории как правило причисляют все разновидности так называемых «знающих» людей – это колдуны и колдуньи, ведьмаки и ведьмы, знахари и знахарки, ворожки-гадалки, чернокнижники, волкодавы и многие другие представители народной демонологии, которые, тем не менее, имели совершенно реальные прообразы, а за ними стояли настоящие «живые» люди. Их поведение и действия, в силу разных обстоятельств и их собственных особенностей – зачастую психических – влияли на восприятие их обществом, особенно это относится к сельской местности, где наиболее были сильны традиционные приметы и представления, где мнительность населения зачастую гораздо выше, чем в городской среде. А так как большинство белорусов в изучаемый период – жители именно сельской местности, нельзя сбрасывать со счетов людей со сверхъестественными способностями и свойствами как образцов социальной девиации в Беларуси.

Стоит отметить, что у восточных славян образы людей-полудемонов возникли еще в глубокой древности – далекую праславянскую эпоху, о чем свидетельствует значительное число различных, но при этом родственных демонологических персонажей в мифологии белорусов, русских и украинцев [19, с. 21]. У славян существовало множество поверий о людях, которые вступают в контакт с разного рода демонами, получив от них волею или неволей какие-либо

магические, колдовские, чародейские знания, способности или свойства. Именно при помощи нечистых сил в народной мифологии эти люди влияют на силы природы, стихии, в том числе атмосферные явления, на урожай, а также здоровье людей и их домашнего скота. Области влияния людей со сверхъестественными способностями и свойствами таким образом необычайно широки и зависят от масштабности фантазии белорусов, которая в разных регионах была представлена по-разному. Как правило за данные магические дары связавшиеся с демонами люди чаще всего расплачиваются собственной душой и «после смерти не имеют успокоения на «том свете» [33, с. 357]. Именно поэтому в народной мифологии часто было совершенно не важно, как народ относится к самому человеку, в положительном или же отрицательном ключе, душу он, скорее всего, за свои способности продал. Отсюда мы можем видеть происхождение того отношения, которое было среди общества к данной особой категории людей – все повелось еще с незапамятных времен, а девиантным их поведение объясняется потому, что объяснить их многие поступки, действия или бездействия общество попросту не могло, соответственно зачастую оставляя таких людей на задворках общественной жизни.

В науке существует множество классификаций людей со сверхъестественными способностями и свойствами, которые подходят к ним условно с разных сторон. В первую очередь в данной диссертации будет использована поперсонажная классификация, что означает, что будут отдельно рассмотрены особенности разных так называемых «персонажей» народной демонологии и будет дана отдельная оценка каждой из подкатегорий и, соответственно, общая. Для характеристики и анализа людей со сверхъестественными способностями и свойствами как представителей девиантного поведения, категории маргинальных групп населения будет использоваться следующая классификация: фактически, она представляет из себя разграничение данных «персонажей» в соответствии с враждебностью или доброжелательностью к обществу, что позволяет отметить, чье поведение из всей обширной категории считалось наиболее выделяющимся из норм; однако следует понимать, что грань между данным разграничением очень условна, так как зачастую один и тот же персонаж воспринимается по-разному в разных населенных пунктах; бывают также прецеденты, когда различных по своим способностям и проявлениям демонологических героев именуют в населенных пунктах одиноким, что также затрудняет процесс разграничения людей со сверхъестественными способностями и свойствами в соответствии с выбранной классификацией. Но следует отметить, что чаще всего к классу помогающих людям причисляются персонажи – знахари, гадалки и шептуны –, а к отрицательно влияющим и относящимся к людям определяют ведьм, колдунов, чародеев и некоторых других персонажей. Исключением является тот случай,

когда понятия знахарь и колдун являются синонимичными, что является характерным для некоторых сел Белорусского Полесья: «Знахор – тот же колдун, знахор – это коб шчо плохое сделать» (Лесицк, Брестская область) [35, с. 31].

Обращаясь к данным, опубликованным в работе Левкиевская Е.Е. и Виноградова Л.Н. «Народная демонология Полесья (публикации текстов в записях 70-х – 90-х гг.)», можно говорить о том, что подкатегория – «класс полудемонических женских существ» –, которые занимаются тем, что вредят людям, представлен в традиционной народной демонологии Беларуси в первую очередь ведьмой [6, с. 36]. Это также самая многочисленная подкатегория людей со сверхъестественными способностями и свойствами.

Для того, чтобы стать ведьмой в понимании своих односельчан и на всю жизнь получить клеймо человека, поведение которого буду грубо говоря характеризовать как девиантное, достаточно было всего лишь, например, являться внебрачной дочерью (реже сыном) ведьмы, уже признанной в народе. Естественно, если женщина была заподозрена и тем более уличена в увлечении черной магией, замечена за изучением неких магических, непонятных народу книг, она незамедлительно причислялась к категории ведьм [18, с. 14]. Достаточно было и постоянного общения с ведьмой, чтобы быть заподозренным в колдовстве. Таким же образом люди, чье поведение было трудно объяснить обвинялись в колдовстве и других злокозненных действиях, получали пожизненное клеймо – колдун, чернокнижник, оборотень и так далее. Нередко в народной мифологии можно встретить поверья о двоедушцах – тех, в чьем теле обитает сразу две души – человеческая и демоническая. Именно последняя способна покидать тело ведьмы (чаще во время сна) и вредить людям [65, с. 93]. Сейчас такое явление можно объяснить особой формой лунатизма, а еще во второй половине XIX века такой недуг мог стать причиной для причисления человека к данной категории людей девиантного поведения.

Не всегда, чтобы считаться человеком, существующим вне установленных нормы, нужно было совершать какие-то особенные действия. Зачастую могло хватить только лишь внешнего вида. Ведьму зачастую описывают как простоволосую женщину в белом одеянии, нередко также упоминания седых волос, не расчесанных косм, неопрятность: «Выглядае ведзьма як жанчына, але погляд у яе вельмі злы быў. Валасы ў яе былі грязныя, сівыя, нерасчесаныя») [66, с. 50]. Из прочих признаков отмечают – сросшиеся на переносице брови, два ряда зубов; кроме того, как правило, ведьма выдает себя особенными глазами и взглядом – это зачастую воспаленные и покрасневшие глаза, бегающий и «дикий» взгляд, очень редко смотрит человеку прямо в глаза [67, с. 297].

Кроме ведьм и колдуны в народе часто изображаются с какими-либо физическими отклонениями; колдун – обязательно горбат, хромает – или с

другими отличительными признаками, к которым можно отнести рыжие волосы, бородатость, плешивость [84, с. 165].

Однако чаще всего особенными для выделения таких людей является некоторые психические характеристики, в следствии которых они могут быть нелюдимы, асоциальны, мрачны. Как нетрудно заметить, если человек в современном понимании имеет даже сравнительно незначительные психические особенности, а также к тому же имел еще и какие-то физические недуги, он мог легко быть причислен деревенским обществом к людям со сверхъестественными способностями и свойствами.

Люди со сверхъестественными способностями и свойствами обвинялись во многих бедах, им приписывались многие злокозненные действия, которые сопровождали жизнь крестьянства. Например, ведьму могли обвинить в уменьшении надоев молока, болезней скота (влияние на яйценоскость кур, жирность свиней) при этом описывая зачастую совершенно невероятные способы, которыми ведьма осуществляла свои злодеяния, вплоть до того, что ведьма может влиять на качество продуктов, даваемых животными или же на них самих одним лишь взглядом: «Калі ведзьма паглядзіць на малако, то яно ўкісне, а калі паглядзіць на карову, тады карова малака не дасць» (Лазаревка, Речицкий район, Гомельская область) [70, с. 76]). Вместе с такими персонажами как колдунами, ведьмы обвинялись и в наведениях порчи и болезней на людей, их домашний скот и даже урожаи и посевы. Кроме того, им приписывались способности к разлучению влюбленных и женатых, вызывать ссоры между домочадцами и односельчанами, насылать на младенцев ночные плачи [87, с. 157]. Ведьмы были также способны якобы к сглазу и гипнотизированию людей, заставляя их вредить себе или окружающим, к примеру, топиться в водоеме. А особо разгневавшийся колдун мог в соответствии с поверьями превратить человека в зверя или предмет. Самых сильных представителей людей со сверхъестественными способностями и свойствами могли обвинять даже в засухе, стихийных бедствиях, влиянии на погодные условия, нашествия насекомых: «Калі доўга пякоціла і не было дажджу, то старыя людзі казалі, што гэта ведзьмы засуху нагналі. Нібыта яны пазачынялі ў гаршках дождж і да людзей яго не пускаюць» [26, с. 117].

Как уже упоминалось, в большинстве случаев именно из-за народной мнительности действия некоторых людей считались совершаемыми во имя неких потусторонних, темных сил, однако являлись на самом абсолютно не связанными с колдовством, магией. Так, например, исследуя документы делопроизводства, можно наткнуться на разные случаи, к примеру, когда по якобы особому религиозному языческому поверью крестьянин выкопал из свежей могилы младенца и отрубил ему руку. Как оказалось, по итогу проведенного полицией расследования мужчина был невменяемым, а руку

отрубил для того, чтобы использовать ее, посчитав, что «посредством сей руки будет удобное производить воровство» [41]. Однако расследование показало, что никаких ритуальных действий здесь замешано не было, данные действия породила ненормальное психическое состояние человека.

Одним из важных элементов народной демонологии является ответ на якобы производимые людьми со сверхъестественными способностями и свойствами девиантные действия, которые можно обозначить, как способы борьбы или противостояния влиянию таких людей и также изгнания нечистой силы.

На территории Беларуси поверья о том, каким образом следует бороться с людьми-полудемонами, настолько разнообразны и многочисленны, что можно объяснить тем, что и сама Беларусь этнографами делится по субэтносам, однако, в реальности, фактически, в каждом населенном пункте, несмотря на многие общие черты, встречается что-то неповторимое в поверьях. Так в деревне Большевик на Полесье «клалі ў вокнах хаты крапіву як сродак супраць чараў ведзьмы, вешалі ў хлеў забітую сароку». В деревне Сивенка, Ветковского района, проносили «васьмёркай над сталом перад выганам каровы спечаную булку хлеба» [67, с. 54].

Однако, чаще всего, прежде чем бороться с ведьмой, ее нужно, несомненно, распознать среди других людей, а иногда лишь по внешнему виду это сделать было крайне тяжело, от чего возникали еще с давних пор самые разные невероятные способы данного распознавания. Считалось, что ведьму можно распознать, посмотрев на нее сквозь решето, хомут, сквозь дырку в сучке, выпавшего из гроба. Кроме того, существуют и усложненные, многоступенчатые указания по выявлению ведьм. Например, для распознавания ведьмы во время празднования Пасхи, необходимо было перед началом Великого поста положить за щеку небольшой кусок творога или же маковые зерна и с ними лечь спать; наутро необходимо было зашить эти продукты, предварительно вынув изо рта, в пояс и в течение поста побывать с этим поясом в церкви не менее двенадцати раз. После, если прийти с таким поясом в церковь на Пасхальную заутреню, то будут распознаны все местные ведьмы – во-первых, они будут стоять спинами к алтарю и, вместе с тем, с дойницами на головах; после окончания заутрени следует рассыпать мак или творог вокруг себя, дожидаться ухода ведьм, после чего немедленно возвращаться домой, а если этого не сделать, то колдуньи могут просто на просто растерзать человека прямо в церкви [33, с. 374]. Чтобы сберечь корову от пагубного влияния колдуньи, а соответственно и отбирания молока, необходимо было в цедилку положить три иголки, а потом вылить свеженадоенное молоко через домовую калитку; другой способ предлагает в вербную неделю непременно побить корову свячеными прутьями ивы, а во время чистого четверга подрезать корове хвост и вывесить его под потолком хлева [33,

с. 376]. Это лишь малая честь тех народных невероятных поверий, которые встречаются на территории Беларуси в изучаемый период.

Существует также огромное множество вариантов выслеживания и разоблачения, защиты от людей со сверхъестественными способностями и свойствами: если человеку докучал какой-то зверь, он мог покалечить животное, которое считал ипостасью колдуна или иного персонажа, или мог сломать или уничтожить, сжечь предмет, в который, якобы превратился, вселился данный человек-полудемон. Народная мифология также пестрит многообразием также магических приемов, с помощью которых человек мог сберечь себя от людей-полудемонов, а также наказать их за злодеяния. Особенными действиями также можно было, в соответствии с народными поверьями, и спровоцировать персонажа «явиться» (варить цедилку, жечь костер из «особых поленьев»).

Несомненно, важным сюжетом является общественный суд над людьми-полудемонами. Способов физической расправы и психологического давления на людей со сверхъестественными способностями и свойствами в Беларуси было бесчисленное множество – это и угрозы, и вылов и избиение, они в той или иной степени являются характерными для всей территории Беларуси, хотя являются достаточной редкостью, что объясняется, во-первых, тем, что люди зачастую не могут пересилить страх перед потусторонним влиянием людей-полудемонов и опасаются злокозненных ответных действий с их стороны, поэтому для такой жесткой и прямой реакции со стороны народа его нужно было действительно «довести до ручки», избиения и выловы имели место быть только при самых крайних случаях, когда человек совершал действительно серьезные преступления, которые были не только лишь нарушением общественных народных норм, но и преступлениями в правовом смысле [6, с. 41].

Традиционным средством защиты от нечистых всегда оставались и остаются разного рода обереги. На территории Беларуси оберегов и некоторых оберегающих действий достаточно много, известны случаи, когда, например, в ворота на очень длинных жердях «затыкалась» метла, а также могли «затыкать» в дверях дома, хлева и иных хозяйственных построек крапиву (для того, чтобы ведьма опекла руки), осину, ветки березы, клена, колючие растения [7, с. 299]. Возле дверей хлева могли ставить борону, направленную зубьями вперед или же перевернутую метлу или вилы; на порог зачастую клали топор, нож или же другие острые металлические предметы [20, с. 157]. Кроме того, особо сильным оружием и защитной силой всегда считалась молитва, особенно традиционная христианская «Отче наш».

Даже после смерти люди со сверхъестественными способностями и свойствами могли не оставлять в покое своих односельчан. По народным поверьям, они могли превратиться после смерти в так называемого «ходячего» покойника. Поэтому существовали способы защиты и от уже умерших; в первую

очередь, следовало снова распознать персонажа после смерти, после чего предпринять меры, соответственно, чтобы данный демонический персонаж не продолжил докучать и после смерти, для чего применялись как правило различные обрядовые формы изгнания и, соответственно, итоговое уничтожение человека-полудемона [71, с. 75].

Особенное место в классификации демонологических персонажей-людей занимали среди белорусов в XIX – начале XX века такие люди, как знахари и знахарки (по-другому их также могли называть шептунами и шептухами). Если все ранее описанные персонажи воспринимались исключительно в негативном ключе, то знахари и шептуны воспринимались народом в большинстве своем с положительным наклоном. Почти повсеместно в Беларуси данных персонажей характеризовали, в первую очередь, как помощников людей: «Шептуха – то та, штомагае. Конечно, шэптуха – ето хорошы чэловек, онамагае, шэпчэ» (деревня Замошье) [6, с. 412]. К тому же, в некоторых полесских деревнях слова «знахарь» и «шептун», фактически, являются синонимичными, в некоторых же других они разнятся по осуществляемым в народе функциям [6, с. 412]. Отличительной чертой от ведьм и колдунов является фактически полное отсутствие каких-то ярких особенностей во внешности, редки и психические и поведенческие отклонения. Однако, несмотря на уважение и достаточно лояльное отношение к таким людям, вера в то, что сверхъестественные силы не даются человеку просто так, заставляло и таких помогающих персонажей быть причисленными к продавшим душу, редко, когда силы эти воспринимались как данность от Бога. Способности к сверхъестественному даровал демон, однако человек решил использовать их на благо людей.

Знахари и шептуны часто занимались тем, что решали проблемы, создаваемые ведьмами и колдунами – снимали сглазы и порчи, исцеляли от наведенных болезней. В целом можно сказать, что они совершали магические действия противоположные тем, которые были присущи злокозненным персонажам народной демонологии. Несомненно, большая часть таких знахарок и шептунов – шарлатаны, или же попросту верующие в свои невероятные сверхъестественные способности и свойства, зачастую лишь просто пытающиеся нажиться на бедах людей. Особо очевидное и злостное шарлатанство попадало и под судебные дела. Так, к примеру, в соответствии с рапортом Минского совестного суда от 29 июля 1838 года сообщает о заключении под стражу крестьянина М. Врублевского за шарлатанство – якобы лечение крестьян посредством заговора воды. М. Врублевский был разоблачен и на суде признал, что занимался заговорами лишь из корыстных целей. Он был заключен под стражу на месяц [48, с. 473-475].

Известны случаи взаимодействия категории людей со сверхъестественными способностями и свойствами с нищими. В предыдущей

главе говорилось о том, что многие артели зачастую имели в своем составе и знахарей и знахарок, которые занимались не только сборами подаяний, но и должны были при необходимости оказывать медицинскую помощь членам артели или же снимать порчи – заниматься колдовскими действиями.

Интересен тот факт, что, чтобы быть причисленным к людям со сверхъестественными способностями и свойствами не всегда нужно было напрямую быть связанным с магией и колдовством. Существует целая категория людей, которых этнологи выделяют под термином «знающие» (профессионалы, странники, этнически чужие) [24, с. 221].

Под термином «знающие» чаще всего понимаются люди со сверхъестественными способностями и свойствами вообще – ведьмы, колдуны, знахари. Однако, данное определение многозначно. Под данным понятием можно также иметь в виду и людей, в первую очередь, которые принадлежат различным профессиональным группам, а также являются представителями такой категории, как «чужие» – это и цыгане, и другие странствующие люди-кочевники, нищие, занимающиеся бродяжничеством [5, с. 15]. Всех их в одну категорию демонологических персонажей объединяет наличие неких сверхзнаний, недоступных простому человеку, которые позволяют им овладеть секретами какого-то мастерства и ремесла или другими сверхъестественными силами и способностями.

Большинство персонажей данной категории являясь иногда представителями девиантного поведения, тем не менее редко являются реальными маргиналами в социуме. Поэтому резонно рассматривать лишь часть из данных персонажей, исключая профессиональные группы, сконцентрировав внимание, в первую очередь, на «чужих».

Таким образом, отдельной группой «знающих» являются «чужие» – странники, отставные празднующиеся солдаты, цыгане, нищие, бродяги, которые в поверьях выступают чаще всего в роли заночевавшего в доме путника, из-за которого в доме хозяина происходят необычные сверхъестественные события, например, слышаться глас ангелов или Бога. «Чужой» якобы может предотвратить наступающую беду, снять порчу или сглаз, при чем происхождение таких способностей зачастую неизвестно и в поверьях не объясняется. Как и в других славянских народных традициях, образ странников почитается как нечто с «того» света: белорусы часто отдавали «чужим» поминальную еду и одежду, которой владели ранее умершие родственники семейства и, как правило, просили молиться за них [24, с. 403].

Одним из персонажей, которому приписываются сверхъестественные способности, также относящихся к подкатегории «знающих» – «чужим», является солдат. Образ бродячего солдата приобретает во всей восточнославянской мифологической традиции черты победителя зла, воина-

защитника [8, с. 252-253]. В полесских быличках, солдату часто приписывают способности к приручению змей, к распознаванию причин бед и невзгод в хозяйстве и у хозяина, впустившего солдата к себе переночевать. Солдат даже может знать, как расколдовать волка-оборотня, вернуть ему человеческий облик. Может изгнать из дома чертей. Бродячий солдат, таким образом, довольно «сильный знающий», который действует в целом в интересах людей, поэтому с трудом, но все же его можно поместить в маргинальные группы населения Беларуси. Среди «чужих» ярко выделяются, наряду с бродячим солдатом, цыгане. Здесь мы видим особое отношение в демонологии Беларуси к данному этническому меньшинству, наделению его особыми свойствами. Цыгане жили в достаточно закрытых, обособленных общностях, занимаясь конокрадством, гаданиями, попрошайничеством, ведя достаточно праздный образ жизни, от чего зачастую находясь на задворках общественных норм и являясь образцами девиантного поведения. Цыгане по мнению белорусов умели колдовать, ворожить, напускать на людей видения, гипнотизировать. Цыгане обладали особыми способностями, могли как лечить, так и в то же время, могли наслать порчу, что зависело зачастую от того, достаточно ли хорошо их приняли в деревне [6, с. 441].

Таким образом, кроме проституток и нищих, особой категорий людей, являющихся примером воплощения в жизнь понятия девиантного поведения и социальной девиации, является категория люди со сверхъестественными способностями и свойствами. Чтобы быть причисленным к данному типу персонажей традиционной народной демонологии зачастую совершенно не обязательно было совершать какие-то сверхъестественные, необъяснимые действия, часто достаточно было лишь иметь какие-то физические или же психические недуги. Такие люди обвинялись во многих бедах и несчастьях, возникающих в жизни крестьянства, от наведения ночных плачей и криков на маленьких детей, до невероятного влияние на погоду и провоцирование стихийных бедствий, за что «знающим» часто приходилось платить тем, что, в лучшем случае, терпеть презрение и гонения со стороны односельчан. Способов физической расправы и психологического воздействия на ведьм и колдунов бесчисленное множество (вылов, избиение, угрозы и принуждения отказаться от способностей и так далее), они в той или иной степени характерны для всех регионов, хотя и встречаются не везде, что объясняется тем, что люди зачастую не могут пересилить страх перед влиянием данных колдунов и ведьм, поэтому часто не боролись, а использовали различные формы защиты: от оберегов и различных предметов, до молитв. Шарлатанство – очень распространенное явление. Даже те, кто занимался помощью людям – это знахари и шептуны – часто оказывались за пределами общественных норм. Особой подкатегорией являются «знающие» люди – в первую очередь, профессионалы, а также

маргиналы – нищие-бродяги, бродяжничающие солдаты и цыгане. Что касается закона, то он в Российской империи занимался людьми со сверхъестественными способностями и свойствами со стороны общих законов, то есть не имея отдельных документов, касающихся непосредственно данной категории маргинальных групп населения Беларуси.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, жизнь общества в период широко развернувшейся модернизации на территории Беларуси претерпевала значительные изменения, открывались широкие возможности, развивалась социальная мобильность, которая, однако, не всегда открывала возможности к движению только лишь вверх. В изучаемый период наблюдается значительное увеличение количества существовавших и ранее маргинальных групп населения.

Социальная девиация среди маргинальных групп населения Беларуси претерпевают изменения с началом XX века. Несомненно, то, что считалось нормой – остается таковой и в это время, то же касается и социальной девиации. Однако, в начале нового столетия, по мере нарастания кризиса традиционной культуры и традиционного общества Российской империи, в состав которой входила и современная территория Беларуси, случаев и форм поведения, выходившего за рамки дозволенного, становилось все больше. Семья, общество, церковь и государство пытались бороться с нарастающими проблемами, но часто не справляясь в связи с тем, что все оказались не готовы к широко развернувшейся маргинализации, особенно в среде белорусского крестьянства.

Одной из самых многочисленных маргинальных групп населения Беларуси являются нищие. К чести белорусов в изучаемый период, занятие именно «профессиональным» нищенством не представлено большинством среди данной группы населения. К «профессиональным» нищим мы можем отнести так называемых «сезонных» нищих, нищие артели и ватаги – то есть организованное нищенство, особых нищих-старообрядцев, а также одиночек нищих-певцов. Несмотря на свое разнообразие, во второй половине XIX – начале XX века мы можем говорить о достаточно обширных, при этом имеющих достаточно длительную историю, особых «субкультурах» нищих.

Отношение к нищим со стороны общественного мнения было в основном достаточно нейтральным, простой народ сочувствовал большинству нищенствующих. Однако, если и случались конфликты – это являлось свидетельством тех нравственных и моральных качеств, которыми в большинстве своем обладали нищие, особенно те, что довольно долгое время вели подобный образ жизни. Недовольные крестьяне и горожане в крайних случаях могли даже поднимать вопрос о прекращении хождений и попрошайничества особо опасных нищих путем как личного вмешательства, так и привлечения государственного регулирования; нищие, в свою очередь, нередко могли отвечать на такие действия угрозами, покушениями. Чаще всего без

особых колебаний люди поддерживали и совершали подаяния юродивым и калекам.

Государство, полугосударственные организации, церковные и некоторые частные учреждения не оставляли вопрос нищенства и положения нищих без внимания, однако все они во второй половине XIX века оказались не достаточно подготовленными к последующей за модернизационными процессами широкой маргинализацией как крестьянского, так и части городского населения – из-за чего значительно расширился состав нищенствующих в белорусских селах и, особенно, в городах. Однако, необходимо отметить, что, несмотря на свой низкий социальный статус в обществе, жизнь даже нищего человека была под охраной государства и закона. С течением времени, ближе к завершению XIX столетия наблюдается рост заведений, которые были способны предоставить беднякам кров, пропитание и работу.

Следующей многочисленной категорией людей, представляющих собой яркий пример образцов девиантного поведения маргинальных групп населения второй половины XIX – начала XX века является категория проституток. Оглядываясь назад на проституток в дореволюционной России ясно видно: профессию проститутки нельзя постоянно отождествлять с каким-либо конкретным слоем женского населения. До первой русской революции большинство проституток были представлены, безусловно, урбанизированными крестьянами, слугами, сиротами, а также богатым разнообразием типов, которые подпадают под неопределенную «рубрику» мещанства. Плодом полицейского регулирования стало не искоренение сифилиса и иных венерических заболеваний, с которыми государство объявило войну, а, фактически, процветающее повсеместно сексуальное «белое рабство» и другие тяжкие преступления. Легализация проституции лишь позволила ей процветать открыто, в то время как ее запрет (проституция как правонарушение) поощрял процветание в тени.

Девиантное поведение разрушительно влияло не только на самих проституток, однако и на всех окружающих людей, которые жили или работали рядом с публичными домами, так как их окрестности становились буквально центрами аморального поведения зачастую пьяных клиентов борделей и их работниц, пагубно влияя не только на взрослых горожан, однако и на их детей. В особенности наибольшему моральному «уничтожению» были подвержены дети, втянутые в проституцию, отпечаток в детской психике оставался на всю жизнь. Кроме того, невероятных размеров достигла торговля женщинами как внутри империи, так и за ее пределами. Проституция – это целая торговая сеть, настоящее рабство в Российской империи, в реализации которого были замешаны тысячи людей, поэтому говорить о девиациях лишь среди проституток не приходится, ведь самыми настоящими представителями девиантного

поведения являются и агенты, сутенеры, владельцы и пособники борделей, работавшие на обеспечение товаром сексуального рабства, а девушки-проститутки зачастую являются жертвами обмана, мошенничества, откровенных преступлений и собственной неосторожности, обманчивых больших амбиций и надежд, возложенных на занятие проституцией, которое приводило зачастую к полной потере нравственности и человеческого лица. Таким образом, проблема проституции в Беларуси существовала и в период Российской империи, не была решена. Были противоречия в организации борьбы с проституцией как на законодательном имперском, так и на местном уровнях. Меры, принимаемые городскими властями для борьбы с проституцией были направлены на преодоление последствий этого явления, а не на устранение его первоочередных причин.

Также особенной маргинальной группой населения – пример воплощения в жизнь понятия социальной девиации, являются люди со сверхъестественными способностями и свойствами. Чтобы быть причисленным к данному типу персонажей народной демонологии не всегда обязательно было совершать какие-то сверхъестественные действия, часто достаточно было иметь какие-то физические или же психические отклонения. Такие люди обвинялись во многих бедах и невзгодах в жизни крестьянства: от наведения ночных плачей на младенцев, до влияние на погоду и стихийные бедствия, за что им часто приходилось платить тем, что необходимо было терпеть признание и гонения со стороны односельчан. Способов физической расправы и психологического давления на людей со сверхъестественными способностями и свойствами в Беларуси было бесчисленное множество – это и угрозы, и вылов и избивание, они в той или иной степени являются характерными для всей территории Беларуси, хотя являются достаточной редкостью, что объясняется, во-первых, тем, что люди зачастую не могут пересилить страх перед потусторонним влиянием людей-полудемонов и опасаются злокозненных ответных действий с их стороны, поэтому для такой жесткой и прямой реакции со стороны народа его нужно было действительно «довести до ручки», избивания и выловы имели место быть только при самых крайних случаях, когда человек совершал действительно серьезные преступления, которые были не только лишь нарушением общественных народных норм, но и преступлениями в правовом смысле. Шарлатанство – очень распространенное явление. Даже те, кто занимался помощью людям – это знахари и шептуны – часто оказывались за пределами общественных норм. Особой подкатегорией являются «знающие» люди – в первую очередь, профессионалы, а также маргиналы – нищие-бродяги, бродяжничающие солдаты и цыгане. Что касается закона, то он в Российской империи, как и в случае с нищими, занимался людьми со сверхъестественными способностями и свойствами со стороны общих законов, то есть не имея отдельных документов,

касающихся непосредственно данной категории маргинальных групп населения Беларуси.

Таким образом, девиантное поведение маргинальных групп населения Беларуси являлось острым вопросом для государственного управления и общественности Беларуси во второй половине XIX – начале XX века, многие аспекты которого оставались нерешенными. Модернизация, происходившая в Российской империи в изучаемый период, имела не только положительные черты; особенно на первых порах, наряду с высокими темпами достижений все явнее и масштабнее становилась проблема социальной девиации, тысячи людей остались на обочине стремительно рвущейся вперед социальной жизни, превращаясь в люмпенизированные и маргинализированные слои населения иногда из-за собственных слабостей, а иногда и из-за самой настоящей невозможности существования по нормам и в соответствии со стандартами общества периода модернизации, а нередко, что касается в большей степени проституток, и в следствии тяжких преступлений, связанных с торговлей людьми и «белым рабством».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бентовин Б. Торгующие телом. Очерки современной проституции / М.: типо-литография Русского товарищества печатн. и издат. дела, 1907. – 201 с.
2. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. / Л.: Наука, 1988. – 278 с.
3. Бутовская М.Л., Дьякова И.Ю., Ванчатова М.А. Бредущие среди нас. Нищие в России и странах Европы, история и современность / М.: Научный мир, 2007. – 280 с.
4. Вароніч Т.В. Прастытуцыя ў гарадах Беларусі: другая палова XIX – пачатак XX стст. // ARCHE, 11 (110) 2011. – 347 – 383 с.
5. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян / М.: Издательство «Индрик», 2000. – 432 с. – (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования.)
6. Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80-90-х гг. XX века. Т.1: Люди со сверхъестественными свойствами / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 648 с.
7. Виноградова Л.Н., Толстая С.Н. Ведьма / Л.Н. Виноградова, С.Н. Толстая / Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). – 287-301 с.
8. Власова М.Н. Энциклопедия русских суеверий. / СПб.: Азбука-классика, 2008. – 624 с.
9. Воронич Т.В. Город и проституция: из истории повседневности Гродно (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Гарадзенскі палімпсест 2011. Асоба, грамадства, дзяржава. XV – XX ст. – Мінск, 2011. – 383 с. – С. 260-290.
10. Воронич Т.В. Царские власти в борьбе за моральность минчан: вторая половина XIX – начало XX в. // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць: (да 945-годдзя Мінска): зб. навук. арт. / уклад. А.І.Груша; рэдкал.: А.А.Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2012 – 305-321 с.
11. Грацианов П.А. К вопросу о реорганизации надзора за проституцией в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый Медицинским Департаментом. – 1895. Т. XXVIII. Книга 2. Ноябрь. – 166 с.
12. Громов И.А., Мацкевич И.А., Семёнов В.А. Западная социология. / СПб.: ООО «Издательство ДНК», 2003. – 532 с.

13. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М.: Наука, 1986. – 280 с.
14. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. / М.: Паломник, 2007. – 530 с.
15. Грязнов К. Проституция как общественный недуг и меры к его врачеванию / в 2- частях, М.: ар. Типо-литография А.П. Поплавский, 1901. – 202 с.
16. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции / М.: Индрик, 1997. – 912 с.
17. Дембовецкий А.С. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях / сост. [с предисл.] и под ред. А.С. Дембовецкого. – Могилев, 1882-1884. – 3 т., Т. 1, – 693 с.
18. Довнар-Запольский М.В. Белорусская свадьба и свадебные песни. Этнографический этюд / М.В. Довнар-Запольский. – Киев: Типография А. Дивиденко, 1888. – 38 с.
19. Довнар-Запольский М.В. Чародейство в Северо-Западном крае (XVII—XVIII вв.) / Митрофан Довнар-Запольский / Деды: дайджест публикаций о белорусской истории. / Мн.: А.Н. Вараксин, 2012. — Вып. 9. — 243—259 с.
20. Дучыц Л., Клімовіч І. Язычніцтва старажытных беларусаў / Мінск: Харвест, 2014. – 368 с.; 287 іл. – (Неизвестная история).
21. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социол. этюд / Пер. с фр. А.Н. Ильинского. / М.: Мысль, 1994. – 400 с.
22. Ефименко П. Братство и союзы Нищих / Киев: Киевская Старина, 1883, Т. 7. – 312-317 с.
23. Жарникова С.В. Золотая нить / Вологда: Издательство Вологодского областного научно-методического центра культуры и повышения квалификации, 2003. – 247 с.
24. Живописная Россия: Отечество наше в его земел., ист., плем., экон. и быт. значении: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. Воспроизведение изд. 1882 г. – Мн.: Беларуская Энцыклапедыя, 1993. – 550 с.: ил.
25. Зенько Н. «Зубровку придумали в Беларуси, но мы упустили свой шанс». Историк про алкогольную культуру наших предков. / Белорусский веб-сайт Onliner.by [Электронный ресурс] / Минск, 15 октября 2017 – Режим доступа: <https://people.onliner.by/2017/10/15/alkogol-20> – Дата доступа: 16.05. 2018.
26. Кастрыца А. Міфалагічныя ўяўленні ў прыкметах і павер'ях Рэчыцкага Палесся / А. Кастрыца / Чацвёртыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні: Рэчыца, 18-19 верасня 2003 г.: У 2 ч.: Ч. 2 «Рэчыца ў часе і прасторы:

790 год з дня заснавання горада» / Рэд. кал.: В.М. Лебедзева (адк. рэд.) і інш. / Гомель, УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2004. – 217 с.

27. Каханоўскі А.Г. Сацыяльныя аспекты мадэрнізацыйных працэсаў у Беларусі (60-я гг. XIX – пачатак XX ст.) / А. Г. Каханоўскі // XXI век: актуальныя праблемы гістарычнай навуцы: Матэрыялы міжнароднага навучнага канф., прысв. 70-летнюю гіст. фак. БГУ. Мінск, 15–16 апр. 2004 г. / Рэдкал.: В. Н. Сідорцаў. (адк. рэд.) і др. – Мн: БГУ, 2004. – 213–215 с.

28. Кныш О.В. Развіццё сацыяльнасці на тэрыторыі Беларусі ў 60–90-е гг. XIX в. / О. В. Кныш // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навука. зб. Вып. 4 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2009. – 269–276 с.

29. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире / Новосибирск: Издательство «Наука», 1990. – 224 с.

30. Кузнецов М. Проституция и сифилис в России. Историко-статистические исследования / СПб.: Типография В.С. Балашева, 1871. – 268 с.

31. Куприн А.И. Яма / А. И. Куприн. – Мн.: Б.м.: Скорина, 1992. – 317 с.

32. Ларше Ж.К. Библийскі крыніца права / Мгарь: журнал «Мгарскі калок»: № 66, чэрвень 2008. – 97–101 с.

33. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. / М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с: ил. – (Мифы народов мира).

34. Майер А. Описание Кричевского графства или бывшего староства Гр. Ал. Потемкина, в ста верстах от Дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губернию / Могилев: Могилевская старина: сборник статей «Могилевских губернских ведомостей» / под редакцией Е.Р. Романова. Вып. 2: 1901. – 158 с.

35. Мелетинский Е.М. Колдуны / Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 286–294 с.

36. Меншиков И.С. Норма и девиация в русской деревне во второй половине XIX века: теоретический аспект / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. / Тамбов: «Грамота», 2015, № 11 (61): в 3-х ч., Ч. II. – 137–141 с.

37. Меншиков И.С., Федоров С.Г. Девиантное и делинквентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. / Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. – 260 с.

38. Микуцкий С.П. Материалы для корневого и объяснительного словаря русского языка и всех славянских наречий: выпуск 1 / Варшава: «Варшавские Университетские Известия», 1880. – 315 с.

39. Мукалов М.К. Дети улицы. Малолетние проститутки / Санкт-Петербург: типо-лит. И. Юделевича, 1906. – 20 с.
40. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15 томах / Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1981. – Т.2. Стихотворения 1855-1866 гг. – 350 с.
41. НИАБ. Ф. 1 Оп. 2 Ед. хр. №532 Дело по обвинению крестьянина Рокоша П. в отчлении у мертвого младенца правой руки по суеверию.
42. НИАБ. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. №161 Устав Городской больницы для проституток в г. Минске.
43. НИАБ. Ф. 147. Оп. 4 Ед. хр. №1671 Дело по обвинению крестьянина Резцова Ф.Т. в оставлении на дороге больного нищего при сопровождении его в станковую квартиру.
44. НИАБ. Ф. 299 Оп. 3 Ед. хр. №318
45. НИАБ. Ф. 299 Оп. 3 Ед. хр. № 348 Список проституток г. Игумень, июль, 1878.
46. НИАБ. Ф. 299 Оп. 3 Ед. хр. №1838 Обязательные постановления Минской городской думы о санитарном надзоре за проституцией. Минск, 1907 г.
47. НИАБ. Ф. 299 Оп. 1 Ед. хр. №12614 Дело об учреждении общества по подготовке бедных еврейских девушек к правильному домоводству в гор. Минске.
48. НИАБ. Ф. 299 Оп. 1 Ед. хр. №951 Рапорт Минского совестного суда от 29 июля 1838 г. о заключении в тюрьму крестьянина М. Врублевского за лечение крестьян посредством произношения слов над водой.
49. НИАБ. Ф. 1297 Оп. 1 Ед. хр. №13111 Отчет Московского «Комитета для разбора и презрения просящих милостыни» за 1841 г.
50. НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1 Ед. хр. №23622 Указ Сената от 4 августа 1852 г. о мерах по недопущению нищих в столицы.
51. НИАБ. Ф. 1430 Оп. 1. Ед. хр. №3199 Дело по рапорту полоцкого уездного стряпчего о запрещении нищим ходить и просить милостыню по гор. Полоцку.
52. НИАБ. Ф. 1430 Оп. 1 Ед. хр. №18423 Дело об учреждении в гор. Люцине еврейской богадельни.
53. НИАБ. Ф. 1430 Оп. 1 Ед. хр. №43887 Дело по вопросам профессионального нищенства Витебской губернии (2 января 1898 – 27 октября 1898).
54. НИАБ. Ф. 1430 Оп. 1 Ед. хр. №5065 Дело по рапорту витебской городской полиции о передаче штрафных денег в пользу бедных.

55. НИАБ. Ф. 1430 Оп. 1 Ед. хр. №51437 Дело по рапорту витебского полицмейстера о пожертвованных 50 р. купцом 1ой гильдии Гинзбургом в пользу нищих в Витебской еврейской больнице.

56. НИАБ. Ф. 1430 Оп. 1 Ед. хр. №51438 Дело по рапорту городецкого городничего витебскому губернатору о том, что в гор. Городке нищих нет.

57. НИАБ. Ф. 1430 Оп. 1 Ед. хр. №53567 Дело об прошении жителей мест. Креславль об учреждении общества для оказания помощи бедным евреям.

58. НИАБ. Ф. 1430 Оп. 1 Ед. хр. №7713 Дело по предложению генерал-губернатора с препровождением 606 р. 85 к. для раздачи бедным по Витебской губернии.

59. НИАБ. Ф. 2629 Оп. 1 Ед. хр. №93 Годовой отчет по городскому дому трудолюбия (Витебск).

60. НИАБ. Ф. 2649 Оп. 1 Ед. хр. №153 Дело об учреждении общества пособия бедным евреям в мест. Бешенковичи Лепельского у.

61. НИАБ. Ф. 2649 Оп. 1 Ед. хр. №311 Дело об учреждении общества «снабжения бедных евреев-нищих в субботние и праздничные дни» в гор. Двинске.

62. НИАБ. Ф. 2649 Оп. 1 Ед. хр. №77 Дело об учреждении общества еврейской дешевой столовой в гор. Двинске.

63. НИАБ. Ф. 2649 Оп. 1 Ед. хр. №90 Дело об учреждении благотворительного общества призрения бедных в немецком лютеранском приходе в гор. Витебске.

64. Никитин Н. В. Петербург ночью. / СПб, 1903, – 151 с.

65. Никифоровский Н.Я. Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / Н.Я. Никифоровский. – М.: «Ленанд», 2016. – 112 с.

66. Новак В.С. Асаблівасці сучаснага стану бытавання ніжэйшай міфалогіі на тэрыторыі Гомельшчыны / В.С. Новак / Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Выпуск 2 / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі; навук.рэд. А.І. Лакотка. – Мінск: Права і эканоміка, 2007. – 190-195 с.

67. Новак В.С. Славянская міфалогія: (на матэрыялах Гомельскай вобласці) / Мн: Права і эканоміка, 2009. – 329 с. – (Серыя "Гуманітарныя навукі").

68. Проституция: по обследованию 1-го августа 1889 года / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; под ред. А. Дубровского. - СПб.: [Тип. Мин-ва внутр. дел], 1890. - XXXVI, 85, 39 с.: табл. - (Статистика Российской империи; [вып.]13).

69. Романов Е.Р. Очерки быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («Любецкий лемент») / Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела Императорского Общества Любителей естествознания,

антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Под ред. Н.А. Янчука / М.: Императорское Общество Любителей естествознания, антропологии и этнографии, №4, 1890. – 119-129 с.

70. Рудніцкая Н. Вобраз ведзьмы ў фальклорнай прозе Гомельшчыны / Фалькларыстычныя даследаванні : Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: зб. навук. арт. Вып. 10 / пад нав. рэд. В. В. Прыемка, Т. В. Лук'янавай; уклад.: Т.А. Марозава. – Мінск: 2013. – 74-76 с.

71. Салавей Л. Ведзьма, вядзьмарка / Л. Салавей / Беларуская міфалогалогія: энцыклапедычны слоўнік. С.Санько, Т.Валодзіна, У.Васілевіч і інш. – Мн: Беларусь, 2004. – 73-75 с.

72. Сержпутовский А.К. Сказки и рассказы белорусов-полешуков: (Материалы к изучению творчества белорусов и их говора) / А.К. Сержпутовский. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. АН, 1911. – 211 с.

73. Сержпутоўскі А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А.К. Сержпутоўскі; прадм. У.К. Кась-ко; Мастак В.Р. Мішчанка. – Мн.: Універсітэцкае, 1998. – 301 с.

74. Синова И.В. Гендерный анализ девиантного поведения подростков на рубеже XIX–XX веков / Вестник ТвГУ. Серия "История", 2013. Выпуск 3. – 116–125 с.

75. Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. / М.: Унив. тип. (Катков и Ко), 1877. – 259 с.

76. Сцепуро Ф. Русско-нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкого уезда Минской губернии местечка Семежова: Приложение к протоколам Отделения русского языка и словесности Императорской Российской академии наук. С отзывом А.Ф. Бычкова. / СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. АН, 1881. – 12 с.

77. Тарновский Е.Н. О преступности малолетних в России / М.: Журнал Министерства Юстиции, 1899. – 133 с.

78. Тиханов П.Н. Тайный язык нищих / Брянск: Типография А. Арцишевского, 1895. – 26 с.

79. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Изд. 1885 г. : С доп. по продолжению 1902 г., с прил. мотивов и извлечений из решений кассационных деп. Сената / Изд. Н. С. Таганцевым. - 16-е изд., доп. - СПб. : тип. Т-ва печат. Сената, 1907. - 543 с.

80. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. Издание 1890 г. Том 14. – СПб., Б. г. – 27 с.

81. Федоров А.И. Позорный промысел / СПб.: Типография СПб. Градоначальства Изм. п., 8-я р., д. №20., 1901. – 17 с.

82. Феноменов М. Я. Причины самоубийств в русской школе. / М., 1914.

83. Цивьян Т.В. Об одном классе персонажей низшей мифологии: «профессионалы» / Т.В. Цивьян / Славянский и балканский фольклор. Народная демонология., М.: Индрик, 2000. – 177–192 с.
84. Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 212 с.
85. Шашков С.С. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. История русской женщины / Собрание сочинений С. С. Шашкова. СПб., 1898. Том первый. С. 876-877.
86. Щепанская Т.Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.). / СПб.: «Наука», 2010. – 338 с.
87. Яўных А. Рэгіянальныя асаблівасці ніжэйшай міфалогіі Гомельшчыны / Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: зб. арт. Вып. 5 / пад нав. рэд. Р. М. Кавалёвай. – Мінск: Бестпринт, 2008. – 154-160 с.
88. Engelstein, Laura. “Gender and the Juridical Subject: Prostitution and Rape in Nineteenth-Century Russian Criminal Codes.” *The Journal of Modern History*, vol. 60, no. 3, 1988, pp. 458–495. JSTOR, www.jstor.org/stable/1881400. Accessed 15 May 2020.
89. Muravyeva, Marianna G. “9. Between Law and Morality: Violence against Women in Nineteenth–Century Russia”. Rosslyn, Wendy, et Alessandra Tosi. *Women in Nineteenth–Century Russia: Lives and Culture*. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. (pp. 209–238) Web. <<http://books.openedition.org/obp/1256>>.
90. Stites, Richard. “Prostitute and Society in Pre-Revolutionary Russia.” *Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas*, vol. 31, no. 3, 1983, pp. 348–364. JSTOR, www.jstor.org/stable/41046644. Accessed 15 May 2020.